

ЗАМУЖ

за «аристократа»

РОМАН-ОТКРОВЕНИЕ

МАША
ЦАРЕВА

«ПРОДАЕШЬСЯ, ШУРА. ВСЕ
ПРОДАЮТСЯ, – ПОДУМАЛА
ОНА. – ВОПРОС В ЦЕНЕ!»

ЧТО ДЕЛАТЬ? – ДУМАЛА
ОНА. СОГЛАСИТЬСЯ –
ЗНАЧИТ ПОДПИСАТЬ СЕБЕ
ПРИГОВОР. НЕ ТАК-ТО
ПРОСТО БУДЕТ ПОТОМ
ОТДЕЛАТЬСЯ ОТ
ВЛЮБЛЕННОГО ГРАФА.
А ЕСЛИ ОТКАЗАТЬСЯ...

Маша Царева

Замуж за «аристократа»

«ЭКСМО»

2010

Царева М.

Замуж за «аристократа» / М. Царева — «Эксмо», 2010

Шальные деньги, зависть, амбиции, тайны и сплетни – такая жизнь для героев романа давно стала обычной. Что связывает взбалмошную художницу Шуру с модным татуировщиком, не переносящим зеркал, и знаменитой актрисой, которую кто-то хочет убить? Ответ может подсказать только прошлое – если приглядеться к нему повнимательнее. Будьте готовы поставить на кон все ради своей мечты. Шура тоже надеется преуспеть и ради вожаемой славы и успеха готова выйти замуж... даже за «аристократа», страдающего шизофренией. Но за все надо платить... И кто-то заплатит любимым человеком, кто-то семейным благополучием, а кто-то ценой своей жизни...

© Царева М., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Маша Царева

Замуж за «аристократа»

Глава 1

Хорошо, наверное, быть миллионершей. Мести тротуары подолом норковой шубки клеш, небрежно вертеть на изящном пальчике ключи от «Мерседеса»-кабриолета, томно смаковать кокосовый коктейль, лежа на золотистом песочке Лазурного Берега Франции... И чтобы повсюду тебя сопровождал плечистый мулат-телохранитель, а твоя холеная физиономия улыбалась с глянцевого страничек светских журналов. «Эй, гарсон! Принеси-ка мне блинчиков и черной икры – граммов как минимум двести! Нет, передумала, лучше капуччино со взбитыми сливками. Люблю я, знаете ли, капуччино по утрам...»

Хорошо еще быть натуральной блондинкой. Загорелой, улыбчивой, длинноногой, с грудью четвертого размера! Обтянуть безупречно гладкие ляжки мини-юбкой расцветки а-ля леопард, пройтись по центральной улице походкой от бедра. Улыбка томная, глаза загадочно блестят. «Девушка, девушка, позвольте подарить вам миллион алых роз и сердце с рукою в качестве сопутствующего товара. У вас глаза цвета рассветного неба, вы – само совершенство!» – «Да знаю я, знаю. Можете вы все оставить меня в покое – хоть на пару минут? Мужчины все такие глупые...»

...Шурочка Савенич богачкой не была, красоткой, впрочем, тоже: миниатюрная, угловатая, с острыми коленками, выпирающими ключицами и худыми длинными ногами. Черты ее лица были, пожалуй, чересчур мелкими: остренький нос, тонкие губы над почти несуществующим подбородком, блестящие карие глаза. Из-за этого маленького острого личика в детстве ее обзывали Крыской. Только когда Шуре исполнилось тринадцать и она коротко обрезала свои по-цыгански черные, вечно лохматые волосы, вдруг выяснилось, что она похожа на звездную актрису Лайзу Минелли. Больше ее никто не дразнил. Но все равно – не томно-карамельная супермодель, не гламурная дива. Посмотришь на ее фотографию и равнодушно пожмешь плечами – ну что можно найти в такой девушке?

Нет, чтобы влюбиться в Шурочку Савенич, надо быть знакомым с нею лично. Шуре было двадцать пять, но ее лицо по-прежнему сохраняло какое-то детское выражение – в нем было и неразбавленное любопытство, и порыв, и озорство. Ее внутренний аккумулятор не требовал подзарядки – она всегда казалась смешливой и энергичной. Ее движения были резкими и стремительными, походка – быстрой, словно Шура все время куда-то опаздывала, голос – звонким и громким, а смех – заразительным.

То утро было ничем не примечательно – обыкновенное золотое солнечное утро: в раскрытую форточку врвался ветер, пахнувший подгнивающими листьями и горячим асфальтом – так бывает только в последние дни лета. Может быть, немного необычным было лишь то, что разбудил Шуру телефонный звонок. Ранний звонок – телефонные трели раскололи на кусочки уютную тишину ее пыльной просторной квартиры где-то в половине десятого. Шура была настоящей совой, как она говорила сама, совой патологической. Она скорее согласилась бы съесть на завтрак собственные уши, чем ежедневно вставать на работу, как большинство москвичей, около восьми утра. Разумеется, все ее друзья и даже шапочные знакомые (а Шура была существом настолько жизнерадостным и открытым, что шапочные знакомые очень быстро переходили в разряд друзей) прекрасно знали, что раньше двенадцати звонить в этот дом бесполезно. В лучшем случае хозяйка сонно посоветует отправиться по известному многим адресу.

Шура нехотя выползла из кровати и, отчаянно зевая, поплелась к телефонному аппарату. По пути она наткнулась на письменный стол, и это разозлило ее окончательно. Сейчас она покажет телефонному негодяю, сейчас она ему задаст!

– Я слушаю! – просипела Шура в пыльную телефонную трубку.

В трубке кашлянули, но промолчали.

– Эй, говорите! – повысила она голос.

– Шура.

Хриплый голос, довольно высокий – в принципе такой голос мог принадлежать и мужчине, и женщине. Интонация не вопросительная, а утвердительная. Этот невидимый собеседник и не думал поздороваться или что-то ей сообщить – просто сказал: «Шура» – и замолчал, только его хриловатое нездоровое дыхание свидетельствовало о том, что он продолжает оставаться на проводе.

Шурочка крайне редко слышала этот голос, но она сразу его узнала. И нельзя сказать, что странный звонок ее обрадовал: она ссутулилась и как-то разом погасла – словно перегоревшая лампочка.

– Да, папа.

– Ты что, под кокаином?

– С чего ты взял?

– Какая-то ты чумная. Впрочем, ты всегда была безголовой.

Девушка сжала кулаки, но промолчала.

– Как дела, папа? – преувеличенно бодро спросила она.

– Все так же.

– Тебя вывозили гулять?

– Как будто бы тебя и в самом деле это интересует. Ну да, вывозили. Даже два раза.

– Ноги болят? – спросила она, прежде чем поняла, что сморозила глупость.

– Как могут болеть парализованные ноги?

– Извини, я забыла.

– Конечно, забыла, – усмехнулся отец. – Ты ведь не навещала меня почти три месяца.

У Шуры тоскливо засосало под ложечкой – она ненавидела, когда он ее отчитывал.

– Обязательно приеду на этой неделе!

– Можешь не беспокоиться. Я еще не соскучился. Как твоя работа?

– Очень хорошо, – оживилась она. – На прошлой неделе закончила потрясающую картину. Думаю, с ней можно будет прорваться в какую-нибудь галерею!

Отец презрительно хмыкнул, и Шура как наяву увидела его лицо. В последние годы папа сдал. Он был совсем еще, по сути, молодым – пятьдесят с небольшим лет, но выглядел гораздо старше. Нездорово желтая кожа обтягивала его бугристый лысый череп так плотно, что казалось, она может лопнуть, если он неловко повернет голову.

– Я имел в виду нормальную работу, а не твою дурацкую мазню.

Шурочка начала закипать, как бульон на раскаленной конфорке.

– Моя, как ты выражаешься, мазня в итоге и станет моей основной работой. Вот увидишь. Любой художник...

– Ты не художник, – перебил отец. – У тебя нет соответствующего образования, и картины ты малюешь жуткие. Ты гример. И дура ко всему прочему.

– Почему ты все время меня оскорбляешь, папа? – вспылила Шурочка. – Ты...

– Ну давай, скажи, что ты на самом деле обо мне думаешь. Давно пора. А дура потому, что не понимаешь: гример – это стабильный заработок. А художник – это каморка вместо мастерской и кусочек хлеба на ужин. На масло может и не хватить.

– В масле – сплошной холестерин, – пробормотала она.

– Ладно. Мне надоело тебя уговаривать. Все равно ты, как истинная идиотка, ничего не поймешь. И все же советую подумать над моими словами.

– Подумаю, подумаю, – пообещала Шура.

Повесив трубку, она небрежно пригладила ладонью свои по-вороньи черные волосы и продефилировала на кухню. Эта маленькая кухонька, типичная для малогабариток московских окраин, напоминала декорацию к футуристическому фильму. Небольшой прямоугольный стол был густо обклеен старыми плакатами – желтоватая от времени бумага пестрела забавными для современного уха лозунгами: «Болтать – врагу помогать!», «Алкоголю – бой!» Над столом, в тяжелой старинной бронзовой раме, под тщательно протертым стеклом висел... веник. Обычный веник, слегка ободранный и побуревший. Художественно изрезанные полиэтиленовые пакеты заменяли занавески, а потолок был разрисован копиями с порнографических открыток начала века.

Шура Савенич была художницей, ей нравилось демонстративное самовыражение. Нравилось наблюдать за вытягивающимися физиономиями гостей, нравилось, что все окружающие считают ее богемной и эпатажной. Если бы еще родной отец относился к ее любимому делу с большим пониманием... если бы не вызывал у нее постоянно чувство собственной неполноценности... Если бы... Эх, да что об этом говорить!

Шура открыла холодильник – он был, как и ее желудок, безнадежно пуст. Только на дверце сиротливо приютился йогурт с давно истекшим сроком годности. Она вздохнула. Придется сегодня обойтись без завтрака. Ничего, скоро Шурочка станет наконец знаменитой, и вот тогда... На завтрак она будет есть шоколадный торт со взбитыми сливками (такой она пару раз пробовала в одной из столичных кофеен – один кусочек этого кондитерского чуда стоил сто пятьдесят рублей!) и запивать его свежесжатым грейпфрутовым соком. А пока... Придется ей сегодня потрудиться, чтобы заработать хотя бы долларов десять – на эти деньги экономная Шура сможет протянуть пару дней. Хорошо, что хотя бы работа у нее есть.

Сегодня Шурочка отправится в дом известной актрисы, а по совместительству своей крестной матери, Екатерины Лавровой, чтобы загримировать ту для какой-то важной презентации. Конечно, звезда такого ранга, как Лаврова, вполне могла себе позволить самого дорогого столичного стилиста. Но сердобольная актриса всегда давала шанс подзаработать крестнице. За что ей и спасибо.

Когда-то Шура окончила семинар для начинающих гримеров при «Мосфильме». Окончила шутки ради, она никогда не хотела тратить молодость на то, чтобы разукрашивать чужие лица. Но, по иронии судьбы, вдруг выяснилось, что у нее настоящий талант, легкая рука. Из-под Шуриных кисточек выходили только красивые лица. Каким-то волшебным образом она умудрялась выявлять лучшие черты и мастерски скрывать недостатки. Наверное, если бы Шура только захотела, она бы заработала целое состояние своими помадой и кисточкой. Анорексичные манекенщицы и капризные телезвезды в очередь бы к ней выстраивались. И отец, и крестная мать – все говорили Шуре, что ей надо получить диплом стилиста, пристроиться, например, на телевидение и жить себе безбедно. Хороший стилист иногда может заработать и сотню долларов в день.

А Шура только улыбалась легкомысленно да головой качала.

– Лучше быть нищей, но заниматься любимым делом, – говорила она. – Хотя как раз нищей я оставаться не собираюсь. Вот увидите, я обязательно стану звездой!

Розы были именно такими, какими и должны быть розы, – агрессивно-роскошными, вызывающе-бордовыми и неприлично-дорогими. Катя – в сотый, наверное, раз – не без удовольствия их пересчитала.

Двадцать пять!

Двадцать пять шикарных роз на ее туалетном столике. Катя на них смотрела со вчерашнего вечера, улыбалась, гладила время от времени широкие лепестки и только что не урчала довольной, словно объевшаяся сметаной ленивая кошка.

Ну Олег и подхалим, благостно думала она. Хотя на самом деле вовсе так не считала.

Олег – самый красивый на свете мужчина (никаких преувеличений!). И к тому же ее, Катин, законный супруг. «Чудо природы» – так она его называла – разумеется, в шутку. Высокий, подтянутый, приятно загорелый, элегантно небритый – чем-то он был похож на задумчивого ковбоя из рекламы известных американских сигарет. Темные волосы с проседью и синие – действительно синие! – глаза. Вдобавок – бывает же такое – умница. Доктор наук, профессор филологии, он преподавал античную литературу на одном из гуманитарных факультетов Московского университета. Катя прекрасно знала, что студентки приходили на его семинары в максимально минимальной длины юбках. Ни одной лекции не пропускали – и причиной тому был вовсе не фанатичный интерес к творчеству Гомера.

Да что там девчонки-студентки! Все Катины приятельницы смотрели на Олега исподлобья, томно прищурив глаза длиннющими накладными ресницами. И приговаривали при этом вполголоса: «Вот это мужик...»

А какой, спрашивается, еще муж может быть у такой женщины, как Катя Лаврова?

У красавицы – в свои сорок пять она выглядела максимум на тридцать. У умницы – недавно она написала книгу мемуаров, и все столичные издательства были готовы немедленно купить на нее права – за любые деньги. У звезды.

– Екатерина Павловна! – Дверь приоткрылась.

Катя вздрогнула и резко обернулась, словно ее застали за каким-то неприличным занятием.

Из-за двери простодушно улыбалась Галочка, новая домработница. Коренастая (Олег за глаза называл ее «тетка-тумбочка»), с широким веснушчатом лицом, она была женщиной простой и явно не подозревала, что, перед тем как заглядывать в чей-то будуар, необходимо постучаться. Тем более если речь идет о спальне всеми любимой актрисы.

Галочка зевнула, деликатно прикрыв не слишком чистой ладошкой рот, и вплыла в комнату. Она была босиком, и патологическая чистюля Катя с легким раздражением смотрела, как некрасивые ноги без всяких следов педикюра переступают по белоснежному ворсистому ковру.

– Екатерина Павловна, я чего хотела попросить, – замялась Галочка и вдруг осеклась, уставившись на Катю так, словно у той было четыре груди.

Катя занервничала.

– Что такое?

– Какая же у вас красивая ночнушка! Шелковая, наверное?

Катя инстинктивно отстранилась, но домработница оказалась проворнее – ее цепкая пятерня уже ухватила нежнейший подол и принялась мять между пальцами-сосисками светло-сиреневую ткань.

– Сразу видно, дорогушая, – вздохнула Галочка.

– Галина, я вообще-то еще спала. – В Катином голосе звенел металл. – Что вам надо? Кажется, вы что-то хотели спросить?

– Да... Екатерина Павловна... в общем, там, в вашем холодильнике, стоит банка с черной икрой... и я подумала... а можно я себе бутербродик сделаю, а?

– Разумеется, – отрезала Катя. – Прошу вас больше никогда не беспокоить меня из-за подобных пустяков.

– Конечно-конечно. – Лицо домработницы просветлело, даже морщины, казалось, разгладились.

Она задом засемила обратно к двери, по дороге приседая в нелепом книксене, словно Катя была важным китайским мандарином. Где только Олег откопал эту бабу? Она не понравилась Кате с первого взгляда, но супруг сказал, что это мать одного его аспиранта, «жутко талантливого мальчика».

«Она женщина простая, ты уж ее не обижай», – попросил Олег.

Разве она могла ему отказать?

– Да, и еще, – Галочка остановилась у двери, – совсем забыла сказать...

– Что?

– Утром звонил какой-то Собчак.

– Собчак? – недоуменно переспросила Катя.

– Ну или что-то вроде этого. Короче, главный режиссер вашего театра.

– А, Качук.

– Он сказал, что завтрашняя репетиция переносится с двенадцати на девять утра.

– Понятно, – помрачнела Катя.

Вообще она была домоседкой и природным жаворонком – наверное, при прочих обстоятельствах из нее бы получилась великолепная мать-жена-хозяйка, которая виртуозно пекла бы пироги с восемнадцатью начинками и проводила бы влажную уборку два раза в неделю. Но уже много лет Кате приходилось вести полуночный богемный образ жизни – тусовки, презентации, банкеты, фуршеты, предутренние возвращения домой. Поэтому она выползала из кровати не раньше одиннадцати. А тут – такая ранняя репетиция...

Но ничего не поделаешь: режиссер Владимир Качук – настоящий диктатор. Этаким талантливым стервец. С таким не поспоришь. Он был непримиримо строг со всеми актерами. Даже с Катей Лавровой, прямой спектакля, незаменимой исполнительницей главной роли. С Катей, чье имя было напечатано на афишах километровыми буквами. С Катей, которую журналисты называли «талисманом спектакля», потому что зритель «шел» на ее имя, словно ночной мотылек на свет керосиновой лампочки. Он был с ней строг.

Но ей было прекрасно известно, что без Владимира ее блестящая игра ни в коем случае не состоялась бы. Потому что она – талант, а он – гений.

Поэтому она не станет капризничать и спорить, она дисциплинированно поставит будильник на половину седьмого утра и прибудет на репетицию ровно за пятнадцать минут до начала оной...

– Да, и еще звонил ваш сын, – вспомнила Галочка.

– Что он хотел? – оживилась Катя.

– Кажется... Кажется, что-то говорил о какой-то девушке... Ох уж эти мальчики. Вы знаете, у меня ведь у самой сынок. – Галочкино лицо просветлело.

– Неужели? – довольно равнодушно переспросила Катя.

– Да, взрослый уже, Ванечка, – просияла домработница, – я вам и фотографию как-нибудь покажу. Золотой мальчик.

– Так что хотел Саня? – Катя начала злиться.

– Кажется, он сказал, что расстался со своей девушкой, – припомнила Галина.

«Странно, – подумала Катя, – оповестить домработницу о том, что он расстался с девушкой... Конечно, это вполне в Санюм духе, но... Я-то, например, вообще не знала, что у него есть какая-то девушка!»

– Идите, Галина, – велела Катя, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не наругать. – Лучше идите.

А сама подумала: «Обязательно скажу Олегу, чтобы он ее уволил!»

Настроение ее мгновенно испортилось – теперь ее не радовали даже двадцать пять роз на туалетном столике.

Катиному сыну Санечке на прошлой неделе исполнилось двадцать четыре года. В прессе его называли не иначе как «блестящий молодой человек». Иногда к этому еще прибавляли – «самый перспективный московский жених». Еще бы! Мама – кинозвезда, папа – профессор. Правда, сам Саня пока ничем особенным не отличился. То есть он с отличием закончил ВГИК, куда в свое время пристроила его звездная мать. А вот работу так и не нашел. Сколько раз Катя предлагала ему поспособствовать! Один ее звонок – и перед Санечкой раскрылись бы двери самых престижных офисов, его дожидались бы самые теплые и безбедные местечки. Но неожиданно сын проявил твердость.

– Я сам хочу устроить свою жизнь, – серьезно сказал он, и Кате только и осталось, что с умилением и гордостью с ним согласиться.

– Екатерина Павловна! – Дверь вновь распахнулась, и на пороге материализовалась Галочка с телефонной трубкой в руке.

Катя подавила острое желание чем-нибудь запустить в неделикатную домработницу – хоть вазой из-под роз.

– Екатерина Павловна, вам опять звонят.

Катя с раздраженным вздохом взяла трубку. Так всегда бывает: или ты не нужна никому, сидишь перед безмолвствующим телефоном и чувствуешь себя совершенно забытой, или все разом вдруг вспоминают о твоём существовании.

– Алло!

– Екатерина Павловна? – поинтересовался вкрадчивый шепоток по ту сторону телефонной трубки.

– Да, – удивилась она. Это еще кто?

– Сука, – мягко выругался шепоток. – Ты умрешь, стерва. Ты во всем виновата, во всем. Я перережу твоё горло от уха до уха, подлая дрянь!

Катя отдернула трубку от уха и швырнула ее на пол, словно это быладохлаямышь, а не безобидный кусок пластмассы. Галочка, которая и не подумала выйти из комнаты, когда Катя начала разговор, с любопытством на нее смотрела.

– Что случилось? – Она подобрала трубку с пола. – Кто это звонил?

– Наверное, не туда попали. Галина, на будущее: не соединяйте меня с незнакомыми людьми, – нервно попросила Катя.

Она опустила взгляд и увидела свои дрожащие пальцы. Надо выпить валокордин. Не хватало ей расстраиваться из-за какого-то психа. А он, между прочим, звонит ей уже третий раз. Повалился.

– Кто это был? – допытывалась домработница.

– Не ваше дело, – довольно резко ответила Катя, хотя и не в ее правилах было хамить людям. Даже таким беспардонным, как эта неизвестно откуда взявшаяся Галя.

Неожиданно телефон зазвонил вновь, и Катя вздрогнула.

– Меня нет, – прошептала она. – Скажите, что меня нет.

– Да, она сейчас подойдет, – громко сказала Галочка, а потом, обращаясь уже к Кате, добавила: – Это ваш сын звонит... Я подумала...

Катя молча приняла из Галиных рук радиотрубку и захлопнула перед ее носом дверь.

– Саня? Что случилось?

– Ма, ну ты прямо как ненормальная. Может быть, и не случилось ничего, зачем ты так нервничаешь?

– Но Галина, моя домработница, сказала, что ты расстался с девушкой.

Сын рассмеялся:

– Значит, это она ненормальная, а не ты. Все с точностью до наоборот. Я сказал ей, что у меня новая девушка. И на этой неделе я собираюсь тебе ее продемонстрировать.

– Саня... Но, я надеюсь, это приличная девушка?

Катя-кинозвезда, Катя – роковая дива, Катя – пожирательница мужчин (только экранных, разумеется) мгновенно превращалась в наседку-клушу, когда речь заходила о Санечке.

– А то! Мам, это самая лучшая на свете девушка. Очень воспитанная и интеллигентная.

– А как ее зовут?

– Твигги.

– Твигги? – Ее брови удивленно поползли вверх. – Что это за имя? Саня, она врет. Так звали знаменитую фотомодел ь шестидесятых. В России нет таких имен.

– Конечно, на самом деле ее зовут не так, – усмехнулся сын, – Твигги – это прозвище. Просто она очень на эту самую фотомодел ь похожа. Такая тощенькая, красивая. Будто щепочка. Блондинка.

– Крашеная? – с некоторой ревностью поинтересовалась Катя. Ей было стыдно, но она ничего не могла с собой поделать: она всегда ревновала сына к девушкам.

– Я в этом не разбираюсь, – дипломатично ушел от ответа сын, и Катя подытожила:

– Значит, крашеная. Ты приведешь ее сегодня?

– О, мам! – спохватился он. – Сегодня же презентация твоей книги! Я совсем забыл. Конечно, мы придем вместе. Я даже заранее купил для этого дела новый костюм. В «Канали». Очень красивый, льняной, тебе понравится.

– Презентация в половине четвертого, – напомнила она, – там будет много журналистов, наверняка у тебя захотят взять интервью.

– А что ты наденешь?

– О, очень милый костюм. «Шанель». Неброский шик.

– Ох уж этот твой неброский шик. Мам, у тебя же лучшие в стране ноги! Тебе мини надо носить и декольте, а ты... «Шанель».

– Когда сорокапятiletняя женщина надевает мини, это выглядит как-то... жалко, что ли, – вздохнула Катя. – Мне всегда было жалко молодых актрис.

– Мам, ты не молодая. Ты – молодая!

– Я знаю, что выгляжу прекрасно, – улыбнулась Катя, – в конце концов, не зря же я плачу такие деньги диетологу и косметологу. Но все равно всем известно, сколько мне лет на самом деле. Ты еще совсем мальчик, Сань, тебе не понять.

– Дело, конечно, твое, – вздохнул Саня, – но ты не права. Я, например, собираюсь носить джинсы и разноцветные ботинки до восьмидесяти лет... Ладно, мам, а ты-то сама там во сколько появишься? На своей презентации? Конечно, опоздаешь на пару часиков, как и положено вам, кинодивам?

– Бог с тобой! – Катя рассмеялась. – Я же буду хозяйкой вечера. Скоро уже ко мне придет Шура. Будет превращать старую измученную женщину в юную красотку. Как волшебница.

– Нет, просто это ты волшебная.

– Не лсти старой вешалке, – довольно сказала Катя, украдкой поправляя перед зеркалом выбившуюся прядь. – До скорого!

...Хозяйка модной художественной галереи «Восток» Алина Крамцева показалась Шурочке женщиной стильной и не в меру эксцентричной. Ее блестящие черные волосы были пострижены так коротко, что она вполне могла не мыть голову, а протирать ее влажной поролоновой губкой. Прическа эта совершенно не шла к ее круглому лицу с тяжеловатым подбородком и довольно крупными чертами – в целом она чем-то смахивала на гангстера из второсортного американского боевика. Впечатление усиливали по-мужски широкие плечи и почти полное отсутствие вторичных половых признаков. Да и ее манера одеваться полностью соответствовала брутальной внешности – черная кожа, грубые ботинки, длинное пальто в стиле «унисекс».

Алина была выше Шурочки Савенич на целую голову. Шура даже оробела слегка, столкнувшись нос к носу с хозяйкой галереи. Разумеется, она напрочь забыла заранее отрепетированную приветственную речь.

– Вы к кому? – строго поинтересовалась Алина, когда Шура, несколько минут послонявшись по галерее, решила наконец заглянуть в дверь с табличкой: «Не входить! Служебное помещение!»

– Я, собственно... к вам. – Шура старалась говорить спокойно, с достоинством, но от волнения ее голос немного сел, и она, что называется, «дала петуха».

– Вот как? – Густые брови галеристки удивленно взлетели вверх. – Я никому на сегодня не назначала. Кто вы?

– Меня зовут Александра Савенич, я хотела бы с вами сотрудничать, – принялась путано объяснять Шура.

– А, насчет вакансии... – поскущнула Алина. – Обратитесь к моему управляющему. Я работаю только с художниками.

– Да я и есть художник, – радостно улыбнулась Шура.

Алина перевела взгляд на заботливо завернутые в толстый слой оберточной бумаги картины, которые Шура все это время держала под мышкой.

– А кто вас сюда пропустил? – недовольно нахмурилась она. – Девушка, я вообще-то спешу. Давайте перенесем на другой день. Или знаете что? С вами встретится управляющий.

«Странная какая, – возмутилась мысленно Шура, – а может, я талант! И она могла бы заработать на мне деньги! А она вот так с порога намекает, что я пришла не по адресу».

– Но вы же только что сказали, что сами работаете с художниками, – вкрадчиво улыбнулась Шура. – Это не займет много времени. Я всего две картины принесла. – Шура помолчала, а потом как-то по-детски добавила: – Ну, пожалуйста...

– Ладно, – Алина посмотрела на часы и кивнула на дверь, украшенную золотистой табличкой: «Не входить, радиация», – зайдем в мой кабинет.

– Спасибо, – просияла Шура.

Кабинет оказался под стать хозяйке. Ни один нормальный человек не смог бы работать в таком помещении. И стены, и потолок, и даже мебель были выкрашены в агрессивный ярко-красный цвет. Над полукруглым столом висела массивная картина – красивая барбиобразная блондинка, целующаяся со свиньей. Рабочий стул мадам Крамцевой был сделан из обтянутого красной кожей унитаза.

Шура не пробыла здесь и нескольких минут, как у нее разболелась голова – казалось, что виски стягивают невидимые стальные обручи. Мучительно захотелось выйти на свежий воздух. «Не рабочий кабинет, а будуар маньяка-извращенца», – подумала Шура. Но вслух сказала совсем другое:

– Какой милый интерьер! – и медоточиво при этом улыбнулась. – Так талантливо оформлено.

Алина ничего не ответила.

«Стерва», – решила Шура.

– Ладно, разворачивайте вашу мазню.

– Сейчас-сейчас, – засуетилась Шурочка, разрывая бумагу. – Вот.

Она не смогла сдержать улыбки, глядя на свои картины. Здесь, в этой жуткой красной комнате, они отчего-то смотрелись особенно мило.

– Девушка, что вы закончили? – Алина повертела в руках картину, потом небрежно швырнула ее на стол (рама жалобно гроыхнула, и у Шуры даже сердце сжалось, словно кто-то при ней ударил ее ребенка). Причем на саму картину галеристка и не смотрела. Шуре показалось, что взгляд Крамцевой был устремлен исключительно на ее, Шурин, зад.

– Архитектурный, – уверенно сказала она, – я вообще-то еще учусь...

Шура решила, что не стоит упоминать о том, что ее не приняли ни в архитектурный, ни в Суриковку.

– Оно и видно, – снисходительно усмехнулась Крамцева. – Вот когда доучитесь, тогда и приходите.

– Вам... вам не понравилось?

– Мило. Но непрофессионально.

– А разве талант может быть профессиональным? – горячо возмутилась Шура, но Крамцева уже теснила ее к двери.

– Девушка, как вас там...

– Александра.

– Александра, в ваших картинах нет концепции, нет идеи. Просто образ, до конца к тому же не оформленный. Но задатки есть. Работайте, ищите, старайтесь. Приходите через пару лет. Может быть, что-нибудь у нас с вами и получится. – И Алина вежливо растянула уголки губ в разные стороны, что, по-видимому, должно было означать дружелюбную улыбку.

Шура вздохнула. Все это были дежурные фразы. «Нет концепции», «непонятный образ» – она слышала это сто тысяч раз. Ни одна галерея Москвы отчего-то не хотела украсить свои стены Шурочкиными творениями.

– А сейчас, девушка, как вас там...

– Александра, – в который раз напомнила Шура.

– Да, конечно, Александра. Сейчас я попросила бы вас освободить мой кабинет. У меня дел много. Надеюсь, я вас не обидела.

– Нет, что вы, – грустно улыбнулась Шура.

Она не сразу вышла на улицу. Задержалась на какое-то время в галерее, ходила вдоль стен, пристально рассматривая висящие на них картины. Картины тех счастливиц, которых несносная грубая Алина Крамцева сочла достойными и зрелыми.

На одной из них были изображены яблоки в плетеной корзинке, на другой – лошадь на лугу. Ничего особенного! Любой абитуриент Суриковки так нарисует. И где здесь, спрашивается, идея, где образ?!

– Что, и тебя Алинка-сука отправила?

Шура вздрогнула от неожиданности и обернулась. Перед ней стояла прехорошенькая девушка – тонкая, как балерина, с буйными блондинистыми кудрями. Под мышкой она держала завернутые в оберточную бумагу картины. Шура насчитала восемь штук.

– Я тоже художница, – весело объяснила девушка, – да ты не переживай так. Она просто предпочитает блондинок.

– Что ты имеешь в виду? – удивилась Шура.

– А то ты не поняла. Алина же самая известная розовая во всей Москве. Она даже устраивает иногда лесбийские вечеринки в своей галерее. Что, не знала?

– Нет, – потрясенно сказала Шура.

– А я знала, – вздохнула странная девушка. – Я, когда первый раз пришла к ней со своими картинками, нарядилась. Как на свидание. Платье надела все в рюшечках, белье новое. Меня знающие люди предупредили, что в «Восток» можно попасть только по благу или через постель...

«Дура какая-то, – подумала Шура, – зачем она мне-то все это рассказывает?»

А словоохотливая собеседница тем временем невозмутимо продолжала:

– Я была на все готова. Потому что... ну, ты и сама прекрасно знаешь почему. Если твои работы вывешат в «Востоке», значит, общественное признание не за горами. Так ведь?

– Так, – согласилась Шура.

– Поэтому я ей сначала картинку показала. А потом, когда она скривилась и начала нести, что образ, мол, не оформлен и идеи нет, то я предложила ей себя.

– Прямо так и сказала? – заинтересовалась Шура.

– Нет, конечно, – рассмеялась художница, – посмотрела ей в глаза, сказала, что у нее мягкие губы, что мне нравятся женщины с крупными руками. Потом села на краешек стола, так чтобы платье немного задралось. На мне были чулки. Очень возбуждающе.

– А она?

– Она велела убираться вон, – вздохнула кудрявая, – охранника вызвала.

– И ты к ней опять пришла?

– А что делать? Знающие люди сказали, что она блондинок любит. Вот я и перекрасилась. Может быть, сейчас мадам будет более благосклонна...

Шура заметила, что у девчонки нервно дергается край века. «Да, бедняжка-то совсем сошла с ума, – подумала она. – Вот и я скоро такой стану. Если еще один мерзавец с компетентным видом скажет мне, что мое творчество не дотягивает до уровня».

– Ладно, удачи.

– Она мне не помешает, – тоненько хихикнула «соблазнительница».

Шура носилась на роликах, словно ведьма на помеле. Прохожие опасливо расступались, едва приметив ее на горизонте: разрумянившаяся, взлохмаченная, загорелая, в художественно порванных на коленках джинсах и старой линялой майке, она бесстрашно неслась вперед, будто спринтер на предолимпийской тренировке. Пожалуй, больше всего на свете Шура Савенич любила скорость. В детстве она отчаянно гоняла наперегонки с дворовыми мальчишками на стареньком велосипеде «Кама»; она, усевшись на потрепанную картонку, с восторженным визгом неслась с обледенелой горы; она в кровь разбивала коленки и губы, а потом даже гордилась синяками и ссадинами.

Шура неслась вниз по Тверской, лавируя между прохожими. Она любила этот город, эту улицу. Магазины, троллейбусные остановки, ночные клубы, кинотеатры...

Возле одного из бутиков Шура вдруг резко затормозила (при этом едва не упав на колени) и замерла, ослепленная витринной красотой. Там, за золотистым стеклом, красовалось бальное платье, отчаянно-алое, приталенное, с пышной юбкой и открытой спиной. Красивое, вызывающе красивое! Шура восхищенно вздохнула. Вообще-то она предпочитала джинсы. Это удивительно, но в ее гардеробе едва ли нашлось бы хоть одно платье. «Только я могла умудриться дожить до двадцати четырех лет и не обзавестись приличными шмотками», – подумала Шура, отворачиваясь от витрины. Дальше она ехала немного медленнее. Эх, такое бы платье Шуре! Да она бы как топ-модель в нем смотрелась, как настоящая королева! «Вот стану знаменитой и обязательно куплю себе такое. Нет, именно это», – твердо решила Шура.

Она свернула в один из извилистых боковых переулков и остановилась возле нарядного трехэтажного особнячка, выкрашенного в приятный розовый цвет. Это был жилой дом, и жили в нем, очевидно, только очень богатые люди. Чугунные решетки полукруглых балконов, аккуратный садик с розами и ирисами перед подъездом, подземный гараж...

Не успела Шура вступить (вернее, въехать) в нарядный холл, как дорогу ей преградил охранник. Не привычная московскому взгляду консьержка-пенсионерка, а именно охранник – в камуфляжной форме, с автоматом через плечо и рацией в руке.

– Вы к кому? – строго поинтересовался он. Шуре показалось, что охранник несколько безразлично рассматривает ее драные джинсы и не первой свежести футболку.

– Я в пятую квартиру, к Екатерине Павловне, – стараясь не терять чувство собственного достоинства, ответила девушка.

– А она что, вас ждет? – насмешливо спросил он, поглаживая ладонью ствол своего автомата.

Шура смело шагнула вперед и нагло заявила:

– Ждет! Между прочим, я опаздываю и собираюсь рассказать ей, из-за кого я задержалась!

Охранник ничуть не испугался.

– А вот мы сейчас это проверим. Много вас тут таких приходит, – и защелкал кнопками рации. Он совсем не торопился и, посмеиваясь, рассматривал уязвленную Шуру.

Ну, конечно! Вот если бы Шура была одета получше, если бы на ней было платье от «Готье» – красное, вызывающе-шикарное, то самое, которое она заприметила в витрине, – вот тогда бы он ее сразу пропустил. Ну ничего, он еще пожалеет. Вот скоро Шура прославится, станет знаменитой – еще более знаменитой, чем Екатерина Павловна Лаврова из пятой квартиры. Тогда она снова зайдет в этот особнячок – под каким-нибудь предлогом. На ней будет черное вечернее платье, длинная нитка японского розового жемчуга и соболья шубка до пят. Ее волосы будут пострижены у «Дессанжа», ее ногти будут тщательно отполированы и выкрашены в темно-бордовый цвет. «Вы?! – спросит охранник, тут же делаясь на две головы ниже ростом. – Как, вы?!» – «Я, я, – снисходительно ответит она, – проводи-ка меня до лифта, милый. Кстати, у тебя пыльные ботинки. Это неприлично». – «Да-да, сейчас протру», – смутится он...

– Девушка! Эй, девушка, вы что, пьяная, что ли?

Шура встряхнула головой. Замечтавшись, она совсем забыла и об охраннике, и о Екатерине Павловне, которая ждала ее в пятой квартире.

– Она уже ждет. Поднимайтесь.

Шура прошла к зеркальному лифту, охранник внимательно за ней наблюдал. Подумав, девушка обернулась.

– А у вас ботинки пыльные! Это неприлично.

– Иди, иди, – усмехнулся охранник, – нашлась тут.

Дверцы лифта захлопнулись, и Шура осталась наедине со своим зеркальным отражением. Отражение выглядело слегка растерянно, и Шура ободряюще ему улыбнулась – ничего, мол, старушка, прорвемся!

...Катя Лаврова любила порядок. Ее просторная квартира была стерильной, как хирургический кабинет. Светлые обои, свежевывмытый паркет, на мебели – ни пылинки, одежда аккуратно развешана в шкафу. И в тот момент, когда в дверь позвонили, Катя влажной тряпкой протирала книги – никто бы не поверил, но она каждую неделю тщательно протирала все многотомники, стоящие в ее шкафу. Ей нравилась и чистота, и процесс уборки, который представлялся Кате чем-то вроде медитации. Да и сама она выглядела воплощением аккуратности. Всегда гладко причесанная, с идеальным прозрачным макияжем. Спущенные петли на чулках, сломанный ноготь, потекшая тушь – казалось, такого не может произойти с нею никогда. Катины домработницы выполняли только самую грязную работу – мыли полы и окна, чистили огромную, похожую на диковинную розовую раковину ванную.

Она никогда не рассказывала об этом журналистам. На разворотах гламурных изданий Екатерина Лаврова всегда появлялась, сидя на просторной дачной веранде с фарфоровой чашкой ручной работы в руках или в своей московской квартире, возле изящного секретера, за туалетным столиком, перед зеркалом, у окна. Но никак не в домашних брюках с влажной тряпкой в руках. Хотя, наверное, ни один журналист не отказался бы от такого заманчивого кадра – воюющая с пылью кинодива.

Шура ввалилась в квартиру, как всегда что-то громко щебеча – растрепанная, с размазанной по щеке грязью, с роликами через плечо. Катя поморщилась даже – насколько крестница на нее не похожа!

– Опять на роликах? – принужденно улыбнулась она. – Экстремальная молодежь?

Шура со стуком скинула тяжелые ботинки на огромной рифленой платформе (Кате казалось, что каждый из этих шедевров обувной промышленности весит не меньше пяти килограммов, ботинки выглядели угрожающе, точно два черных утюга) и прямо босиком прошлепала на кухню, волоча за собой свой рабочий саквояжик. Катя краем глаза отметила, что у девушки дырявые носки.

– Ну что, Екатерина Павловна, садитесь. Будем вас разукрашивать.

– А руки ты не хотела бы предварительно помыть? – Катя осторожно провела ладошкой по своей холеной гладкой щеке. – Не с манекеном ведь работаешь.

– Ну извините.

Совершенно не обидевшись, Шура несколько мгновений подержала пальчики под тоненькой струей прохладной воды, а потом небрежно вытерла руки о не первой свежести штаны. Катя вздохнула – переделать крестницу сложнее, чем научить собаку считать в уме. Конечно, Шура была талантливой девушкой и гримером от Бога, но, если бы не решающий родственный фактор, Катя ни за что не подпустила бы ее и на полметра к своему лицу.

А Шура тем временем грохнула на стол жесткий серебристый раскладной чемоданчик с миллионом отделений и кармашков – такой есть у каждого профессионального стилиста. Когда-то ей пришлось отдать за этот чемоданчик триста долларов. Жаль денег до слез. Но ничего не поделаешь: клиентам важен внешний антураж, никто не пригласит на работу гримера, если у него нет помады «Кристиан Диор», щипчиков для завивки ресниц и прочих милых мелочей, каким бы талантливым он ни был.

Катя вздохнула. Как можно было додуматься поставить грязный чемодан на белоснежную скатерть?! Надо не забыть запихнуть ее в стиральную машину, когда Шурочка уйдет. И сказать Галине, чтобы она обязательно вымыла пол.

Шура распахнула чемодан – над столом поднялось густое сладкое облако пудры.

Катя села на высокий табурет, запрокинула лицо и прикрыла глаза.

– Ну что, сегодня, как обычно, красимся или все-таки чуть-чуть поярче?

– Как обычно, разумеется. – Катя скрыла нахлынувшее раздражение за вежливой улыбкой. – Я же не на улицу Красных фонарей собираюсь.

– А всего лишь на презентацию собственной книги мемуаров! – Шура рассмеялась. – Какая же вы старомодная, Екатерина Павловна! Вы же будете главной персоной вечера, отчего же хоть раз в жизни не выглядеть поярче?

– Шур, ты делай, как я тебя прошу, – деликатно одернула ее Катя.

И Шурочка тотчас же замолчала, – видимо, поняла, что слегка перегнула палку. Да, знаменитая Катя Лаврова была ее крестной, но это вовсе не значило, что между ними могут быть какие-то близкие отношения. Шура чувствовала, что Катя ее просто терпит. Да и Катя понимала, что крестница от нее не в восторге.

– Я золотистый тон на скулы положу, – комментировала Шура, – и крылья носа замажу, чтобы он тоньше казался. А глаза сделаем фиолетовыми. Сейчас это модно, и вам должно пойти.

– Фиолетовыми?! – ужаснулась звезда. – Да ни за что! Немного бежевых теней, чтобы подчеркнуть глубину взгляда. Этого будет вполне достаточно.

Шура раздраженно возвела глаза к безупречно белому потолку – так, разумеется, чтобы Катя этого не заметила. У этой Лавровой было такое красивое лицо, но такой отвратительный характер!

– Ну тогда я хотя бы стрелки на веках сделаю, – мрачно заметила она, но Катя мягко отвела ее руку с кисточкой:

– Никаких стрелок, дорогая. Я не собираюсь играть Клеопатру.

Через полчаса макияж был закончен. Катя посмотрела в зеркало и удовлетворенно улыбнулась. Вообще-то в ее лице ничего особенно не изменилось. Она выглядела так, как и час

назад, – словно только что поднялась с кровати. Разве что стала смотреться немного моложе и свежее, но только искушенный профессионал догадался бы, что дело здесь в умело наложенном макияже.

– Спасибо, Шурочка! – Катя поцеловала воздух возле неумытой щеки крестницы. – Я очень довольна. Можешь это передать своему папе.

– Передам, – без особого энтузиазма пообещала Шура.

Она продолжала сидеть за столом, словно выжидая чего-то и не думая складывать обратно в саквояж свои бутылочки и баночки.

– Может быть, кофе? – предложила Катя.

– Нет. Не хочу. – Шура осталась неподвижной.

Катя догадалась и потянулась за кошельком.

– У тебя опять деньги кончились. Сколько тебе нужно?

– Нет, деньги у меня как раз есть, – бодро соврала Шура.

– Что же тогда? – Катя украдкой посмотрела на часы. До презентации оставались считанные часы. Она бы предпочла побыть в одиночестве – спокойно в последний раз примерить выбранный костюм и повторить вступительную речь, которую специально для нее написал один известный специалист по пиару.

– Я хотела с вами поговорить... – замялась Шура.

– Вот как? О чем же?

– Я прочитала в журнале «Театральное обозрение», что режиссер, у которого вы играете, Владимир Качук, собирается менять декорации к спектаклю...

– И что? – удивилась Катя.

– У меня есть несколько проектов... Какими могли бы быть эти декорации. Я сама нарисовала, – Шура застенчиво улыбнулась. – Может быть, вы могли бы рассказать ему обо мне?

– Шурочка, но это же смешно. Он даже говорить с тобой не будет.

Шура как будто даже стала меньше ростом.

– Почему?

– Потому что Качук – профессионал, – поучительно заметила Катя. – И он станет общаться только с профессионалами. А у тебя даже диплома нет.

– Какая разница? Зачем диплом, если есть талант! – горячо возразила Шура. – Неужели он не может даже взглянуть на мои работы?!

– Нет, – мягко сказала Катя. – Знаешь, он сегодня будет на презентации. Ты, конечно, можешь к нему подойти. Но предупреждаю, он бывает грубым и весьма не сдержанным на язык.

Шурочкино лицо просветлело.

– А я все равно подойду. Уверена, что у меня получится! В конце концов, он постесняется проигнорировать меня в присутствии стольких людей.

Катя усмехнулась: «Постесняется? Да он получит удовольствие!» Но говорить этого вслух не стала. Зачем обижать девчонку? И так она все время говорит, что Катя только и делает, что ее воспитывает. А ведь девушка-то уже взрослая, Санечкина ровесница. И в воспитателях она едва ли нуждается.

– Ладно, Шура. Если честно, сейчас я не в состоянии поддерживать беседу. Могу думать только об одном.

До Шуры наконец дошло, что она засиделась, – она вскочила с места, словно вспомнила о неотложных делах, и принялась запихивать косметику в чемодан: румяна, пудра, помады – все вперемешку летело в разинутую саквояжную пасть. И только когда на столе не осталось ничего, Шура спросила:

– О чем же? Я имею в виду ваши мысли.

Катя мечтательно улыбнулась:

– Конечно, о моей книге. Я волнуюсь, не заклеят ли меня общественность.

«...Я не красавица, нет, не красавица. У меня узкое лицо, чересчур смуглое. Длинный нос с аристократической горбинкой (а на самом деле в детстве мне сломали его футбольным мячом). Тонкие бледные губы – сколько раз гримеры говорили мне: «Екатерина Павловна, такие губы невозможно «рисовать», сколько раз советовали мне обратиться к хирургу! Даже в семидесятые, когда никто в Союзе особенно и не знал о возможностях пластической хирургии, многие недовольные собою богатые женщины ложились под скальпель. Признаюсь, однажды и я отправилась в кремлевскую клинику на консультацию. Улыбчивый седой доктор нежно держал в ладонях мое лицо, словно оно было сделано из китайского фарфора. Честно говоря, я надеялась, что он начнет отговаривать меня, говорить, что я и так красивая, что не стоит так рисковать. Но доктор с милой улыбкой подтвердил: да, эти тонкие губы меня портят, да, с новыми губами я буду выглядеть красивее и свежее. Мне назначили день операции – как сейчас помню, на двенадцатое декабря. То есть предполагалось, что Новый год я встречу уже с новыми губами – сочными и пухлыми.

В ночь перед операцией мне приснился странный сон. Мне снилась моя квартирка в Южном Измайлове, крошечная ванная с желтоватыми разводами на потолке и кафелем в голубых узорах. Я, как обычно, стояла перед зеркалом. Я была сильно накрашена – кажется, это был грим в египетском стиле (кто из нас, актрис, не мечтал сыграть Клеопатру!) – длинные черные стрелки на верхних веках, четко прорисованная линия губ.

Двумя пальцами, как обычно, я взялась за самые кончики длиннющих пластмассовых ресниц и осторожно отклеила их от век. Влажной салфеткой стерла с губ кроваво-алый блеск, слегка помассировала подушечками пальцев воспаленные веки. А потом... поддела наманикюрным хищно-бордовым ногтем кончик губ и оторвала их от лица!

Это было странное ощущение – нет, я не почувствовала боли, я словно осторожно отдирала пластырь, которым был заклеен мой рот. Но самое удивительное, мое движение было машинальным – так, словно я каждый вечер после работы отклеивала собственный рот перед зеркалом ванной!

И я поверила в этот сон, я сбежала буквально из-под ножа, хотя уже успела заплатить за операцию немалые деньги. Я сбежала из больницы прямо в пижаме, я бежала до самого перекрестка – так быстро, как будто удивленный хирург собирался меня догонять, и успокоилась только в такси.

Я всегда знала, что я не красавица. Но всегда мечтала ею казаться.

Когда мне было тринадцать лет, я впервые надела туфли на каблуках. Туфли были отчаянно-зелеными и принадлежали моей старшей сестре. Тонконогая, загорелая, с пышной косой через плечо, я гордо выхаживала по окрестным дворам, размашисто повиливая тем, чего Бог к тому времени мне явно недодал. Я была на каблуках!!! И это было счастье. Я и теперь помню тот день лучше, чем вчерашний. Сине-золотое лето, раскаленный асфальт в трещинках, молодость, зеленые туфли...

У меня всегда было мало красивой одежды. Нет, мы не бедствовали. Мама работала секретарем в типографии и получала двести рублей, папа-военный зарабатывал триста пятьдесят – и это было очень неплохо. Однако всю юность я донашивала вещи за старшей сестрой – наверное, это удел всех младших детей в семье.

Чего я только не придумывала, чтобы казаться богемной и стильной! Десятиклассницей я сама сделала себе бусы из бутылочных пробок (пробки надо было аккуратно обточить ножом и выкрасить перламутровым лаком для ногтей). Выглядело оригинально. Бусы эти я носила с длинным льняным сарафаном (который, кстати, мама сшила из старой кухонной занавески). Это был замечательный, универсальный сарафан! Зимой я надевала под него папину белую рубаху с подшитыми рукавами, летом носила на голое тело.

Вообще у меня было много перешитых мужских вещей. Старый дедушкин клетчатый пиджак с неровными замшевыми заплатами на локтях превратился в стильную укороченную

курточку, а в папины бархатные брюки от свадебного костюма я вставила широкие клинья – и получились наимоднейшие клеша!

Трагедия молодости – у меня никогда не было джинсов. В семидесятые все с ума сходили по «джинсе». Избранные счастливицы расхаживали в фирменных, американских. Остальные завистливо вздыхали им вслед и покупали в туалете ГУМа убогие польские подделки. У меня не было даже польских.

– Джинсы – это неженственно, – категорично говорила мама, и отец был с нею полностью согласен.

– Но почему, почему, почему?! – чуть не плакала я. – Все носят джинсы, в нашем классе уже у четверых они есть!! Только я выгляжу, как доярка из колхоза!

– Как тебе не стыдно? – Мамины глаза опасно темнели. – Только две недели назад сестра отдала тебе свое самое нарядное кружевное платье!

И мне ничего не оставалось, как плакать от бессилия и злости, запершись в туалете, и клятвенно обещать самой себе, что на свою самую первую зарплату, какой бы она ни была, я куплю себе джинсы. Даже если мне придется после этого месяц голодать!

Между прочим, страсть к «джинсе» не прошла у меня до сих пор. Мне сорок пять лет. Я снялась в двадцати четырех картинах. Одна из них, «Солнечный удар», в позапрошлом году номинировалась на «Золотую пальмовую ветвь» как лучший иностранный фильм года. И вот на торжественное открытие Каннского кинофестиваля я нарядилась в пышное бальное платье, сшитое из... джинсовых обрезков! Это был нонсенс, шок! «Джинса» в Каннах! На самой престижной тусовке года! Ведь Каннский кинофестиваль – это еще и праздник моды. Кинозвезды не жалеют ни фантазии, ни средств – лишь бы запомниться, выделиться и шокировать окружающих.

Кто меня знал во Франции? Кто я такая для их взыскательных папарацци? Им подавай Джулию Робертс топлес на пляже или, на худой конец, Памелу Андерсон в компании неизвестного красавца. А я? Разве моя фотография на первой полосе парижского бульварного листка могла кого-нибудь заинтересовать или удивить? Разве кому-нибудь интересно было узнать мельчайшие подробности из моего интимного и сокровенного?

Тем не менее, когда я выбралась из лимузина, взятого напрокат, толпа остолбенела. Журналисты опомнились первыми – они оживились, зашептались, настроили камеры. Отталкивая друг друга, засуетились фотографы. И на следующее утро я обнаружила свои фотографии почти на всех первых полосах таблоидов. «Русская звезда шокирует каннскую публику!» – примерно такими заголовками пестрела местная пресса.

Да, я люблю одежду. Все эти бесчисленные платья, кофточки и модные сумки представляются мне не глупой оболочкой, ничего не значащей скорлупой, а неким символом стабильности и самостоятельности...

А свою первую стипендию я потратила, как и собиралась, именно на одежду. Правда, купить вожаделенные джинсы мне тогда так и не удалось. В туалете ГУМа меня перехватил небритый мужчина с клеенчатой сумкой, который скорее походил на спившегося интеллигента, чем на спекулянта.

– Девушка, у меня есть вещь, сшитая именно для вас, – обратился он ко мне.

– Джинсы? – с надеждой спросила я.

– Нет. – Он распахнул передо мной свою сумку, но я даже не заглянула внутрь.

– Извините. Я хочу приобрести джинсы, – гордо ответила я, словно покупка именно джинсов поднимала меня на совершенно иной социальный уровень.

– И все-таки вы посмотрите, – он намертво вцепился в мой рукав, – посмотрите, а потом уж будете отказываться. – И, видимо для большей убедительности, добавил: – Американский. Фирма.

Терпеть не могу навязчивость. Никогда не найду оправдание фамильярности. И все-таки я посмотрела – может быть, из вежливости, а может быть, мне просто хотелось, чтобы он поскорее от меня отвязался. Продавец развернул передо мной какие-то белые тряпки. Я взяла их в руки... и пропала.

Это был пиджак – белоснежный, атласный, приталенный. Он был глубоко декольтирован и застегивался на одну-единственную пуговицу где-то в районе пупка.

Это был пиджак королевы, кинозвезды! Казалось, он был частью совершенно иной жизни – жизни, в которой маленькими глоточками смакуют дорогое шампанское, сидя возле мраморного бассейна, в которой каждый вечер посещают умопомрачительные рауты, в которой танцуют вальс с послами и принцами, в которой... Короче, той жизни, о которой я и мечтать не могла.

– Сколько? – прошептала я.

– Двести.

Его слова прозвучали как приговор. Я по-прежнему прижимала пиджак к груди, я ничего не ответила притихшему торговцу – видимо, он обо всем догадался сам. Понял все по моему лицу.

– Сколько у вас есть? – вздохнув, спросил он.

– Мало, – честно призналась я, возвращая ему эту волшебную вещь. Я старалась не смотреть на белую роскошь атласа, на кремовую пуговицу, на аккуратно скроенный воротник. Настроение упало, словно столбик термометра в дождливый день. Мне даже расхотелось покупать джинсы, о которых я мечтала так долго.

– Сколько? – не отставал он.

– Семьдесят.

Он испытующе посмотрел мне в глаза, видимо желая убедиться, правду ли я говорю. И – о чудо! – вернул мне пиджак:

– Не хочу продавать такую вещь кому попало. Я сразу понял, что она достанется именно вам. Забирайте.

Зачем он это сделал? Зачем? Зачем?! При желании он мог продать этот пиджак и за двести пятьдесят. Любая женщина была бы счастлива носить такую вещь, любая выглядела бы в нем королевой.

К чему я это рассказываю? Ах да, этот самый пиджак сыграл в моей жизни практически роковую роль.

Вот как все было.

В конце семидесятых считалось модным появляться в Доме кино. Нет, не на шумных презентациях, не на закрытых показах, попасть на которые было, честное слово, сложнее, чем слетать на Луну. Достаточно было изредка посещать местный буфет, чтобы тебя считали человеком богемным и вхожим в высшее общество.

Нам, студенткам, проникнуть туда было почти невозможно. Стоило приоткрыть хоть на сантиметр заветную дверь, как на твоём пути, словно легендарный Цербер, вырастала громко-голосая вахтерша. Мы знали всех вахтерш в лицо. Мы их ненавидели.

Но дядя моей подруги Верки работал на «Мосфильме». Это был апатичный, полуспившийся интеллигент; что он делал в кино – одному Богу известно, но по документам, кажется, числился ассистентом звукорежиссера. Он-то (заметьте, не из чистого альтруизма, а за пятерку) и проводил нас мимо грозных охранниц.

Мы сидели за угловым столиком часами, смакуя один томатный сок на двоих. Наверное, выглядело это не слишком прилично, но тогда мы этого не понимали – мы просто были симпатичными девчонками, желающими хотя бы вот таким образом приобщиться к богемной жизни. Впрочем, наверное, все это затевалось не ради самого сидения в баре, а для того, чтобы

с самым независимым видом сообщать потом знакомым: мол, я вчера в Доме кино... Буфетчицы посматривали на нас презрительно, но поделаться ничего не могли.

И вот однажды мы с Веркой, как обычно, сидели за своим любимым столиком: я медленно цедила охлажденный лимонад, Верка пила кофе с молоком. Вдруг словно по мановению волшебной палочки на нашем столике материализовалась запотевшая бутылка шампанского. Я машинально прочитала надпись на этикетке: «Советское, полусладкое», – и только потом подняла глаза.

Прямо передо мной стоял высокий светловолосый мужчина в замшевом пиджаке. Он смотрел то на меня, то на Верку и вопросительно улыбался. Но не это главное. Дело в том, что я знала этого мужчину. Да что там я, вся страна его знала! Это был актер Александр Дашкевич – наверное, сейчас его окрестили бы секс-символом отечественного кинематографа. Он был звездой, звездой первой величины. Он блистал в десятках фильмов, а его участие в театральной постановке непременно гарантировало аншлаг.

Большинство моих подруг томно вздыхали по Дашкевичу. Он был одинаково хорош и в амплуа героя-любовника, и в образе злодея-подлеца. Пожалуй, злодеем он мне нравился даже больше. Такой обаятельный злодей получался, с голубыми льдинками смеющихся глаз и напряженной морщинкой на переносице. Из всех сил такому злодею сопереживаешь и даже всплываешь исподтишка в конце фильма, когда злодея по закону жанра убивают.

И вот этот самый Александр Дашкевич оказался в тот вечер перед нашим столиком.

– Как, вы не любите шампанское? – спросил он, пока мы приходили в себя.

– П-почему это не любим? – проблеяла Верка, поправляя при этом челку.

– Тогда давайте пить! – Он обращался с нами, словно мы были знакомы тысячу лет. Я даже подумала тогда: а вдруг он с кем-то нас перепутал?

Но он, не дожидаясь приглашения, уселся на свободный стул и лихо выкрутил пробку.

– Ну что, девчонки, в кого стрелять?

– Лучше не надо, – засмеялась я, – мы еще слишком молоды, чтобы умереть.

– Как скажете. – Он разлил золотистое шампанское по хрустальным бокалам. – Тогда за знакомство. Как вас, кстати, зовут?

– Меня – Верой! – пошла в атаку подруга. Я бросила на нее уничтожающий взгляд, но Верка не обратила на меня внимания. Казалось, она вообще позабыла о моем присутствии. Она сидела на самом краешке стула с прямой, словно у балерины, спиной. Хорошенькая, раскрасневшаяся, ресницы завиты вверх, губы блестят.

Как я ее в тот момент ненавидела!

– А я – Саша. – Он сказал это так просто, что мы умиленно переглянулись.

Саша! Да мы поверить в такое не могли: на расстоянии вытянутой руки от нас сидит звезда, кумир, самый красивый и желанный мужчина на свете – а нам разрешено называть его просто Сашей! Просто Сашей, словно он сосед по лестничной клетке или старинный приятель.

– Знаете, я все ваши фильмы пересмотрела, – томно произнесла Верка, облизывая краешек не слишком чистого хрустального фужера. И так сексуально у нее это получилось, что мне внезапно захотелось толкнуть ее в затылок, чтобы она обрезалась о фужер. Чтобы на ее накрашенных губах выступили бурые капельки крови. Я подумала об этом – и мне стало страшно: неужели я на такое способна?

– Ну и? – насмешливо поинтересовался он.

– Что «и»? – растерялась Вера.

– Ну и как я вам?

– Я... я вами восхищаюсь. – Она придвинула свой стул ближе к нему. – Мне кажется, что вы Великий актер. Как Марчелло Мастоияни. Как Ален Делон. Как Владимир Высоцкий. Только гораздо, гораздо лучше!

– Вот как? Ну а вам? – неожиданно Дашкевич повернулся ко мне. Я растерялась, ведь подлая Верка так талантливо исключила меня из разговора. – Вам я тоже нравлюсь?

– Мне? Ну да...

– Ну да? – удивился он. – Ну да – и все?

– У нее есть жених, – неожиданно вставила Верка. И это был запрещенный прием, потому что никакого жениха у меня сроду не было.

– Не все, – решила я, – вы мне очень нравитесь. Вот.

– Забавные вы, девчонки, – рассмеялся Дашкевич, залпом выпивая шампанское. Глаза его подозрительно заблестели, мне показалось, что он моментально захмелел. «Уж не запойный ли?» – с ужасом подумала я.

– А может, нам как-нибудь... развлечься? – неожиданно предложил он. И Верка мелко затрясла головой (боже, какой у нее был глупый вид!). Но Александр (то есть Саша) этого не видел, потому что смотрел исключительно на меня.

На меня!

– Я... я согласна, – торжественно ответила я, словно он только что предложил мне руку и сердце.

– Значит, решено. – Он подлил нам шампанского. – Знаете, в эту пятницу здесь будет интересно. Волков – надеюсь, вы знаете, кто такой Волков? – отмечает день рождения. Будут все. Идем?

Мы не знали, кто такой Волков. Нам было на Волкова наплевать.

И мы с Веркой хором сказали:

– Идем!...»

Глава 2

Иголка больно царапала тонкую нежную кожу красавицы. Один укол, второй, третий – и вот на загорелом стройном бедре выступили капли крови.

– Больно? – вежливо спросил Егор, аккуратно промокая кровь бумажной салфеткой.

Она покачала головой и даже попробовала улыбнуться, но улыбка вышла кривой и фальшивой.

– Не очень. Зато потом будет красиво.

Егор усмехнулся и вновь склонился над ее бедром. В его пальцах, обтянутых резиновыми перчатками, была зажата механическая игла. То и дело он обмакивал иголку в маленькое корытце с алой краской.

Что ж, красиво так красиво. Главное, чтобы ей самой нравилось. А вообще роза на бедре – это старомодно и даже несколько пошло. В последнее время в моду вошли геометрические причудливые татуировки.

У самого Егора на теле было восемнадцать татуировок. И одна из них – самая первая – даже на лбу. Она изображала солнечный календарь ацтеков. Впрочем, ничего удивительного в этом не было – большинство профессиональных татуировщиков внешне смахивают на индейцев из резервации.

Игла входила в белую кожу красавицы легко, точно в свежайшее сливочное масло. Линия получалась ровной и гладкой – в какой-то момент он сам залюбовался собственной работой. И даже пресловутая роза перестала казаться ему столь пошлой – на ее гладких ляжках она смотрелась весьма сексуально. Егор ушел в работу с головой. В его кабинете работал телевизор, показывали какую-то старую музыкальную комедию с Екатериной Лавровой в главной роли. Молодой Лавровой, тоненькой, кудрявой, через каждые десять минут поющей про любовь.

– Меня, кстати, зовут Лана, – вдруг сказала девушка.

Он поднял на нее глаза. Красавица Лана разглядывала его, пожалуй, чуть внимательнее, чем требовали правила приличия. А ведь ей, должно быть, не больше восемнадцати, лениво подумал Егор. У нее было милое круглое лицо с трогательной ямочкой на подбородке, густая вуаль веснушек на щеках, розовые полные губы... Этакая девушка-ребенок. Подростая Лолита. Наверняка она любит шоколадное мороженое и каждую неделю устраивает девичники с молочными коктейлями и французскими кинокомедиями. Отличница, любимица родителей. Романтичная, безнадежно романтичная. Короче, ангел, а не ребенок. Сейчас попробует всучить ему свой номер телефона. Он, конечно, вежливо телефончик запишет, но едва ли станет звонить. Не любил Егор сентиментальных барышень – одна морока с ними, честное слово.

И в этот момент «ангел», кокетливо надув губки и мило смутившись, произнес:

– А ты любишь оральный секс?

Егор чуть иглу от изумления не выронил! Вот вам и любительница молочных коктейлей!

– А что? – осторожно поинтересовался он.

– Да так, – неопределенно протянула она, закидывая ногу на ногу.

И, как ни странно, он возбудился. То есть, наверное, это не было странным – девушка была вполне аппетитная. Просто Егор не любил навязчивых, но в этом случае его заинтересовал оригинальный подход.

Он осторожно отложил в сторону иглу, стянул перчатки с рук. Его правая нога нащупала педаль, приводящую кресло в горизонтальное положение. На мгновение он замер, давая ей шанс обратить все в милую шутку. Может быть, она вообще не это имела в виду? Но Лана и не думала возмущаться: она молча лежала в кресле и, насмешливо прищурившись, на него смотрела – и этот взгляд был красноречивее его ставших вдруг тесными брюк. Он уверенно задрал

подол ее платья. Красавица закрыла глаза. Какое-то время они молчали, и только Екатерина Лаврова в телевизоре все еще пела про любовь.

– Лана, говоришь? – Его рука отправилась в путешествие под свободным платьем красавицы, стараясь не прикасаться к свеженабитой татуировке. – Необычное имя. У тебя такой впалый живот. Наверное, как и все блондинки, ты считаешь калории, прежде чем что-нибудь съесть?

Его ехидный вопрос прозвучал совсем необидно; может быть, оттого, что произнесен был хрипло-нежным шепотом. Егор вдвухвал этот шепот в ее маленькое розовое ухо, и его дыхание танцевало на ее свежем ненакрашенном лице.

– Я манекенщица, – ответила она, расстегивая его брюки, – в следующем месяце снимаюсь для «Космо». Как ты думаешь, у меня получится? Я вообще уже снималась для журнала, но это было год назад, и журнал был молодежным. А так я все больше на подиуме. Сегодня у меня, кстати, показ шуб.

Как это женщинам удается поддерживать осмысленный диалог в постели? Даже в самые горячие моменты они могут спокойно рассуждать о чем угодно – хоть о своей карьере, хоть о погоде за окном, хоть о новой блузе, увиденной ими в бутике на Манежной.

– Заткнись, – приказал он ей, так тепло при этом улыбаясь, что красotka и не подумала обидеться.

– Уже заткнулась. – Ее юркий теплый язык ловко проник между его податливыми губами – Егор обратил внимание, что Лана, как и он сам, целуется с открытыми глазами. Это – непонятно почему – его позабавило.

Внезапно она отстранилась и как-то странно на него посмотрела.

– Что? – рассмеялся он. – Ты о чем-то вспомнила?

– Нет... Знаешь, а ведь ты мне кого-то напоминаешь... Только никак не могу понять, кого именно... Если бы не твоя странная татуировка. Зачем ты, кстати, ее сделал? Так необычно, татушка на лице...

– Не твое дело, – вдруг довольно резко ответил Егор, но Лана не обратила внимания на его внезапную перемену настроения. – Так, может быть, мне можно продолжить? – Он нетерпеливо похлопал ее по колену.

– Да, конечно, – рассеянно ответила она, продолжая беззастенчиво его рассматривать. – И все-таки... На кого же ты похож?

Егор недовольно нахмурился. Он предпочел бы, чтобы она закрыла свой ротик и открывала его, только если этого потребует сексуальная позиция.

– Вспомнила! – вдруг радостно вскрикнула девица, и от неожиданности Егор резко отпрянул назад, едва не опрокинув на пол коробку с красками, стоявшую на краю стола. – Вспомнила! Был такой актер в семидесятые, ты, наверное, его и не знаешь! Я только что прочитала мемуары одной актриски, Екатерины Лавровой. Там про него много написано... Как же его звали-то...

Возбуждение мгновенно покинуло Егора, словно на него только что вылили ведро ледяной воды. Внезапно в висках у него застучало – и на мгновение ему показалось, что голова сейчас взорвется, как подожженный бензобак.

Наверное, будь Лана более внимательной и тактичной, она бы заметила, как Егор внезапно побелел, словно медицинская вата.

Но девушка была настолько увлечена мыслительным процессом, что ничего дальше собственного носика не видела.

– Ну как же звали-то его... Такая простая фамилия... Как Беата Тышкевич, только он был мужик, конечно...

– Замолчи! – довольно резко потребовал Егор.

Но и тогда его внезапная нервозность не насторожила красавицу.

– Или не Тышкевич, – невозмутимо продолжала соображать она, – но как-то так.

– Заткнись!!

Егору вдруг захотелось засунуть татуировочный аппарат в ее круглый перламутровый ротик, чтобы она захлебнулась коктейлем из крови и чернил, чтобы замолчала наконец. У него даже пальцы нетерпеливо задрожали, и он сам испугался этого страшного порыва.

– Вспомнила! – Ланино лицо просветлело. Я вспомнила! Его звали Александр Дашкевич!

– Вон!!! – завопил вдруг Егор, сам не узнавая своего ставшего неожиданно высоким голоса. – Пошла вон!!! – И он грубо дернул ее за руку – так что девушка, как кукла, вылетела из кресла.

– Что? – Лана испуганно захлопала длинными ресничками. – Что ты сказал?

– Что слышала. Уноси отсюда свою тощую жопу, – он намеренно понизил голос до хриплого шепота, чтобы до этой дуры лучше дошел смысл его слов, – и если через три секунды ты все еще будешь здесь, то я тебя к стулу привяжу и матерное слово на лбу вытатуирую!!!

Лану как ветром сдуло. Ее личико исказилось от страха – только тогда Егор понял, что никакая она на самом деле не красавица, а так... Обычная девчоночья мордашка, круглая, русская, простая...

Со словами «Козел ненормальный!» Лана быстро захлопнула за собою дверь.

Видимо, боялась, что он бросится догонять ее, размахивая монотонно жужжащим татуировочным аппаратом.

И напрасно боялась: Егор не побежал бы никуда, просто бы не смог. Он чувствовал себя так, словно целый день разгружал на солнцепеке мешки с цементом. Силы мгновенно покинули его – наверное, что-то подобное ощущают жертвы вампиров. Да и внешне он словно в одночасье постарел на десять лет.

Александр Дашкевич... Если бы только Александр Дашкевич был до сих пор жив!

Если бы...

В таком случае Егор Орлов немедленно убил бы его – опрокинул бы мощным ударом на пол и бил бы своими стильными тяжелыми ботинками до тех пор, пока не услышал бы хруст раздробленных костей и умоляющий хрип из окровавленного беззубого рта.

Если бы он только мог...

За такую возможность не жаль и жизнь отдать. Совсем не жаль годами гнить на Огненном Острове или быть расстрелянным в упор в подземных лабиринтах следственного изолятора.

Слабеющей рукой Егор открыл верхний ящик стола. Там лежала книга – замусоленная, зачитанная.

«Екатерина Лаврова. Воспоминания о любви».

Он выучил эту книгу наизусть. Кое-какие строки подчеркнул – книжка выглядела неряшливо распухшей от переполнивших ее закладок.

Егор должен был непременно познакомиться с этой Лавровой лично. Поговорить с ней. В первый раз в жизни откровенно рассказать постороннему человеку все то, о чем он никогда не рассказывал даже консультировавшим его психоаналитикам.

Она услышит. Она все поймет.

Вот только как ему к ней подобраться? Она-то звезда, а он кто такой? Наверняка она нигде не появляется без свиты охранников, сопровождающих и пригревших приживалок. Ничего, он что-нибудь придумает. Прикинется поклонником, например, и передаст ей записку с букетом цветов. А если надо будет, он готов даже ее похитить – ради этого одного-единственного разговора.

В том, что Катя Лаврова будет не против, он отчего-то не сомневался.

...Небольшой лысый парк перед Домом инвалидов выглядел особенно уныло из-за того, что со всех сторон был окружен зловонной загородной свалкой. Стаи лохматых вечно голодных ворон клубились над свалкой и парком, вили гнезда на подоконниках и кричали так, что у

любого нормального человека после таких несмолкаемых концертов были все шансы превратиться в истероидного психопата.

Наверное, это было худшее место из тех, где кто-либо мог бы пожелать дожить последние дни. И тем не менее для почти полутора сотен пожилых одиноких людей это местечко стало последним домом.

Дом инвалидов представлял собою ветхое деревянное двухэтажное здание. На первом этаже располагались служебные помещения, столовая (в которой неизменно пахло концентрированным кубиковым бульоном и вареной картошкой), библиотека с газетами двухлетней давности, холл, в центре которого пылился давно и безнадежно сломанный телевизор, и кабинет врача. На втором этаже – палаты, всего пятнадцать, в каждой – около десяти железных кроватей с продавленными матрасами. Палаты были такими маленькими, что кровати стояли почти вплотную друг к другу. На прикроватные тумбочки места не оставалось, так что люди хранили личные вещи (если таковые имелись) прямо под кроватями.

Конечно, не все эти несчастные были одинокими на самом деле. Кого-то сослали в этот так называемый «санаторий» равнодушные родственники. Каждый вечер в тесноватых холодных холлах Дома инвалидов обманутые и покинутые старики ворчливо жаловались друг другу на жадных детей и родных.

И пожалуй, только один человек находился здесь по собственной воле.

Шура шла по аллее, уверенно толкая перед собой допотопную инвалидную коляску. В коляске сидел круглолицый худой мужчина с нездорово серым лицом. Он курил сигарету в красивом костяном мундштуке, и этот дорогой мундштук сразу бросался в глаза, дисгармонируя со всем вокруг. Никто не смог бы догадаться, сколько лет этому инвалиду: его лицо было вдоль и поперек перечеркнуто глубокими морщинами, а вот руки казались молодыми, без морщин и пигментных пятен. И голос был молодым. Ему можно было дать и пятьдесят, и семьдесят лет.

– Я привезла тебе чистые рубашки и носки, – весело перечисляла Шура, – и журнальчиков почитать. И бульона домашнего.

– От бульона меня тошнит, – пожаловался мужчина. – И вообще могла бы не стараться. Я же предупредил, что не буду тебя ждать.

– Странный ты, папа! – пожаловалась она. – Как я могу не приезжать. Я же скучаю. Я вообще тебя отсюда заберу.

– Очень надо, – проворчал он, плотнее кутаясь в свой грязный, продранный на рукавах ватник. – Мне твоя жалость не нужна. И скука тоже. Мне здесь хорошо.

– Как здесь может быть хорошо? – поежилась Шура. – Меня страх берет, как только я слышу этих проклятых ворон.

– Не слушай, – пожал плечами отец. – Ладно, обойдемся без сантиментов. Как поживает Катя?

– Нормально поживает. Как обычно.

– Что о ней пишут?

– У вас же библиотека есть. Почему бы тебе самому не почитать?

– О ней хорошее пишут? – Он, казалось, ее не слушал. – Журналисты Катю любят?

– Да, – честно сказала Шура, – а вообще я газет не читаю.

– Ты часто у нее бываешь?

– Ну так... Не думаю, что ей бы этого хотелось.

– Наверное, ты ей надоедаешь, – досадливо поморщился он, – ты слишком шумная. Катя не любит шум.

– Пап, давай о тебе лучше поговорим. Давай я заберу тебя отсюда. Тогда ты сможешь лично с ней встретиться.

– С Катей? – Он как-то странно, коротко рассмеялся. – Нет. Нет-нет, я не смогу. Мне будет больно ее видеть.

...Вся Москва собралась на презентации – Москва светская, Москва богемная, Москва театральная и литературная. Та Москва, что носит пальто с меховой опушкой от «Кардена» и небрежно оставляет стодолларовую купюру на чаевые. Та Москва, что ездит на «Порше» и покупает платья прямо с подиума.

Это была ее, Катина, Москва.

Катя явилась в клуб «Ностальгия», где проходила презентация, с эффектным опозданием в пятнадцать минут, несмотря на то что обещала Сане быть пунктуальной. Подъезжая, она увидела на улице возле клуба довольно внушительную толпу. В основном это были репортеры, обвешанные массивными фотоаппаратами и телекамерами, и просто праздные любопытные, привлеченные изобилием знаменитых лиц.

Кого только Катя не пригласила на презентацию! Всем известно, что чем больше на мероприятии известных лиц, тем оно успешнее. Тем больше будет о нем упоминаний в прессе.

Катя достала из сумочки изящную золотую пудреницу и несколько раз улыбнулась собственному безупречно загримированному лицу. Настоящая актриса – она репетировала, примеряла свои любимые маски и будто бы никак не могла решить, какую из них оставить для презентации. Улыбка доброжелательная. Неплохо. Улыбка томно-обворожительная. Еще лучше. Улыбка наивная, приветливая. Нет, пожалуй, не пойдет – ей все-таки сорок пять, а не шестнадцать.

– Ты выглядишь великолепно, – шепнул Олег, – как юная девочка. Идем, милая, они уже просекли, что ты в этой машине, и настроили камеры.

Она кивнула, все еще продолжая улыбаться. Олег вышел из машины первым. Засияли фотовспышки. Не обращая внимания на оживившихся журналистов, с легкой улыбкой человека, привыкшего ко всеобщему вниманию, он обошел вокруг автомобиля и галантно открыл дверцу с Катиной стороны.

На мгновение они замерли, позируя фотографам. Катя с профессиональным кокетством подмигнула одной из телекамер, помахала рукой в другую. Кто-то даже зааплодировал. Они действительно были очень эффектной парой. Олег – высокий, широкоплечий, в модном светло-сером костюме, с серебристой сединой в густых волнистых волосах. И Катя – само олицетворение элегантности. Кремовый костюм от «Шанель» прекрасно оттенял золотистый загар, миниатюрная бордовая сумочка в точности соответствовала цвету туфель (она купила их в одном из своих любимых магазинчиков во Флоренции), в собранных на затылке волосах – золотая заколка от «Реле», тоненькая золотая цепочка на шее. Ничего лишнего. Все, как она любила. Неброский шик.

– Екатерина Павловна, вы не побоялись? – К ней подлетела молоденькая активная репортерша в тертых джинсах и обтягивающей маечке. – В вашей книге много порнографических сцен. А ведь у вас такая безупречная репутация... Я имею в виду – была.

Катя внутренне съежилась, но постаралась не подать виду, что она растеряна. Именно таких вопросов она боялась больше всего.

– Во-первых, не порнографических, а эротических, – мягко улыбнувшись, выпалила Катя заранее отрепетированную перед зеркалом фразу. – А во-вторых, я всего лишь старалась быть откровенной. Правду любят, за нее не наказывают.

– Еще один вопрос. – Журналистка неприятно улыбнулась, продемонстрировав не слишком ровные желтоватые зубы. – Ваша книга написана в виде... как бы это сказать... Женского романа, что ли. Вам это пошлым не кажется?

Видимо, она хотела, чтобы Катя разозлилась и начала хамить.

Но Лаврова лишь рассмеялась – у нее был молодой заразительный смех.

– Я просто хотела, чтобы моя книга была доступна всем. И чтобы она была интересна. Знаете, это книга не обо мне, а о любви. Я честно рассказала, через что прошла, я не утаила тех, кто был моими мужчинами... Чтобы никто не думал, что у кинозвезд все гладко. Мне не везло в любви, знаете...

Журналистка нервно обернулась к своему оператору и сделала ему знак рукой – видимо, для того, чтобы он взял крупный план ее красивого задумчивого лица.

– Не везло, – повторила Катя. – Все мои романы были какими-то... ущербными, что ли... Но наконец я нашла себя, нашла своего любимого. И теперь могу с уверенностью сказать: я действительно счастлива! – С этими словами Катя прошла мимо, напоследок еще раз мило улыбнувшись репортерше.

В клубе было немного душновато, Кате то и дело приходилось исчезать в туалете – припудрить блестящий нос и раскрасневшиеся щеки. Она – главная персона на этой презентации, а значит, должна выглядеть безупречно.

Катя подошла к фуршетному столу, ломившемуся от разнообразных деликатесов, и, подумав, положила на свою тарелочку горсть винограда. Она готовилась к презентации целый день и не успела пообедать.

– А-а-а! – вдруг отчаянно вскрикнули за ее спиной. – Осторожней, осторожней, отходите!

Она обернулась. И зря: чуть ли не в лицо ей полетело большое блюдо с отварными креветками. Катя не успела отскочить в сторону. Одна секунда – и огромные королевские креветки посыпались прямо на ее эксклюзивный кремовый костюм. Все вокруг затихли. Катя услышала голос Олега, пробиравшегося к ней сквозь толпу. И только в этот момент посмотрела на своего обидчика.

Посмотрела – и подавилась собственным дыханием.

Перед Катей стоял мертвый человек, призрак! Что самое удивительное – он ободряюще ей улыбался, он, кажется, даже что-то пытался ей сказать. Бесполезно, ее уши словно ватой заложило, в голове шумел океан.

Господи, так не бывает! Наверное, это все же не *тот*, просто похож очень...

Но... Нет, это невероятно. Не мог он выжить, никак не мог. И все же... Человек, кремированный много лет назад, стоит напротив нее, улыбается – может быть, это просто чья-то дурная шутка?

Краем глаза Катя заметила приближающихся охранников, один из них что-то тревожно говорил в рацию. Она поняла, что его сейчас уведут, и хотела сказать: постойте, не надо. Но язык ее не послушался, ее словно парализовало. Единственное, на что она была способна в тот момент, – это стоять, глупо улыбаясь, и смотреть на него, живого, близкого.

А он совсем не изменился. Двадцать лет прошло – и каждый год беспощадно отметился морщинкой на ее холемом правильном лице. А он вот по-прежнему молодой.

Может, потому, что мертвецы не стареют?

Глаза такие же, зеленые, широко расставленные... Подбородок с модной двухдневной щетиной – Кате вдруг отчаянно, до зуда в ладонях захотелось провести рукой по его щеке, почувствовать эту знакомую шершавость.

– Я хотел с вами поговорить, – сказал он, и она убедилась, что и голос его тоже остался прежним.

Теперь сомнений не оставалось – это он! Чудом выживший, много лет скрывавшийся, он к ней вернулся!

Но в этот момент к призраку подскочили охранники.

– Не трогайте меня! – возмутился он и попытался растолкать их локтями, но они крепко схватили его под руки.

Катя подняла перед собой руку, словно сказать хотела: не трогайте его, оставьте.

Но так и не смогла.

Стояла и беспомощно смотрела, как его уводят куда-то. Он все пытался поймать ее взгляд, он упирался, вырывался, как буйный сумасшедший, но все было бесполезно: мероприятие охраняли профессиональные военные, бойцы – где ему с ними справиться.

– Катюшенька, с тобой все в порядке?

Олег схватил ее за локоть, и она даже вздрогнула от неожиданности. Обернулась и рассеянно посмотрела сквозь супруга – наверное, в первый раз в жизни она не была рада видеть перед собою Олега.

– Что?

– Он тебя не ударил? Не обидел? Кто это был такой?

– Не знаю, – нервно сглотнула она. – Со мной все в порядке.

– Может быть, ты хочешь уйти?

– Не могу. Это же моя презентация, я так не могу.

Она мягко высвободила руку.

– Ты куда?

– В туалет. Костюм-то замыть надо, на меня кровати опрокинули.

– Если бы только я был рядом, – сжал зубы Олег, – я бы его этими кроватками по щекам отхлестал!

– Не горячись, – мягко улыбнулась Катя, – тебе это не идет. Дорогой, успокойся, со мной все в порядке. Я сейчас вернусь. Развлекайся, не волнуйся обо мне.

– Нет, ну какой нахал! – продолжал кипятиться Олег. – И как его только могли сюда пропустить?! Неужели не заметили ничего странного?

Катя похолодела. Неужели Олег его узнал?

– Что? – Она развернулась на каблуках. – Что они должны были странного заметить?

– Как, разве ты не видела?

– Что?

– У него же была татуировка во весь лоб! Круглая такая, большая. А еще говорят, что здесь лучшие во всей Москве охранники!

Катя заперлась в одной из кабинок – ее сердце все еще билось так, словно она только что пробежала стометровку. Она коснулась руками щек – и собственные ладони показались ей ледышками.

Это был он, он!

Странно, что Олег говорил о какой-то татуировке. Никакой татуировки она не заметила. Может быть, ему пришлось сделать ее, чтобы никто его не узнавал?

Какая же она идиотка! Он стоял так близко, стоило ей только руку протянуть – и она бы коснулась знакомого лица. А она позволила охранникам увести его, промолчала.

Повернуть бы все вспять – вот тогда бы она уж не растерялась. Улыбнулась бы, заговорила с ним, стараясь выглядеть спокойной. Расспросила бы, как ему удалось выжить. И как получилось так, что никто об этом не знает. Под каким именем он живет, чем занимается? Женат ли (подумав об этом, она тяжело вздохнула), есть ли у него дети? Если да, то, должно быть, они Санечкины ровесники.

А потом... Потом она пригласила бы его поужинать. Они отправились бы в ее любимый закрытый ресторанчик «Кабачок», что на набережной, у самой воды. Вход в этот маленький гастрономический рай был открыт только для знаменитостей, крупных бизнесменов и их длинноногих сопровождающих (криминальные авторитеты не в счет, да их и не пленяла атмосфера неброского уюта, царившая в «Кабачке»). А если бы простой смертный подошел к безукоризненно одетому охраннику в надежде проскочить внутрь, тот бы с вежливой улыбкой сообщил простак, что все столики на сегодняшний вечер заказаны за две недели вперед.

Они сидели бы в уютном алькове, разговаривали, пили бы ее любимое кипрское вино «Херитаже» и разговаривали, разговаривали... А потом он посмотрел бы на нее исподлобья и, мягко улыбаясь, сказал бы, что за эти годы она ничуть не изменилась. А что, в приглушенном свечном свете да в выигрышном макияже Катю вполне можно было бы принять за двадцатипятилетнюю.

Она бы все поняла правильно. Влажно улыбнувшись, накрыла бы его руку своей рукой, он, не глядя, расплатился бы с подскочившим официантом, и...

Они бы начали целоваться уже в такси, на заднем сиденье. Любопытный шофер, конечно, подсматривал бы за ними в зеркальце заднего вида: в конце концов, Катя – известная актриса, к тому же замужняя женщина с безупречной репутацией. Но ей было бы все равно, все равно, честное слово. Какая разница, что будет завтра, через год, через час? Главное, есть его руки, сухие и горячие, его ищущие губы, его голос, принадлежащий только ей...

Катя прислонилась к двери – нет, не одна она находилась в тесной кабинке общественного туалета. Вернее, не совсем одна – ведь она чувствовала, чувствовала его незримое присутствие.

Его руки.

Катина ладонь скользнула в вырез глубоко декольтированного пиджака, и от этого нетерпеливого прикосновения она вздрогнула и больно прикусила нижнюю губу, чтобы не закричать в голос. Ее руки на мгновение стали его руками – ищущими и жадными. Не жалея, она рванула золотистые пуговицы, отшвырнула пиджак в сторону, спустила лиф. Как она соскучилась по этим рукам, по этим длинным жестким пальцам, тонко пахнущим кофе и «женскими» ментоловыми сигаретами.

Видели бы ее сейчас гости и журналисты – лиф спущен до талии, юбка задрана так, что видны худые загорелые ляжки и узкая, обработанная эпилятором полоска золотистых волос. Руки слепо блуждают по бедрам, пощипывают и мнут гладкую кожу на ягодицах. Наконец, пальцы ее мягко скользнули внутрь, Катя зажмурилась и судорожно вздохнула – она боялась привлечь чье-нибудь внимание. В соседние кабинки постоянно заходили люди, и она ласкала себя под звук спускаемой в унитазах воды.

Ей не потребовалось много времени – она была слишком взвинчена для того, чтобы томить себя медленной сладостью. Всего несколько торопливых движений – и Катя обмякла, судорожно вдохнула, закусив собственный маленький кулак.

– Эй, здесь есть кто-нибудь? – Чья-то нетерпеливая рука постучалась в Катину кабинку, и та испуганно замерла: что делать?

– Простите, – сквозь зубы приглушенно ответила она: как любая актриса, она могла виртуозно менять собственный голос, и все же ей было волнительно: а вдруг кто-нибудь узнает, чем она здесь занимается?

– Катя? Екатерина Павловна? – уточнил незнакомый голос, скорее мужской, чем женский.

Она удивилась: мужчина в женском туалете? Перепутал? И почему так неинтеллигентно себя ведет? Как ей поступить? Сказать какую-нибудь резкость или просто промолчать?

Но она не успела придумать достойный ответ.

– Екатерина Павловна, я тебя достану, – пообещал голос, и только в этот момент Катя его узнала. Да это же телефонный шептун! – Не здесь и не сейчас. Я ухожу. Но ты заплатишься за все, обещаю.

Катя услышала удаляющиеся шаги. Она не сразу решилась открыть дверь.

На всякий случай выждала несколько минут, прежде чем выйти наружу. За это время она успела привести себя в порядок – одернула юбку, расправила лиф, подобрала с пола скомканный пиджак – и вышла из кабинки чинной дамой. Лишь яркий румянец и красноречивый блеск глаз намекали на кусочек удовольствия, который ей только что удалось урвать в тесной туалетной кабинке.

Катя воровато оглянулась.

Перед зеркалом стояла Шура и самозабвенно подкрашивала ресницы, которые и так из-за избытка туши были похожи на мохнатые паучьи лапки.

– Екатерина Павловна! – Она радостно обернулась. – А меня только что послал один ваш знакомый. Качук его фамилия. Такой мерзкий тип, как вы только с ним общаетесь-то?!

– Вот как? – машинально ответила Катя. При этом она мельком взглянула на себя в зеркало и ужаснулась – наверное, надо быть слепым, чтобы не понять, чем она только что занималась.

– Да! Я все-таки решила к нему сама подойти.

– Я же говорила, что ничего из этого не получится, – строго ответила Катя, – Качук и разговаривать не станет с человеком без специального образования.

– Я считаю, надо все возможности использовать! – Шурочка совершенно не казалась расстроенной. – В этот раз не вышло, в следующий – прорвусь!

– Ну-ну...

– Какая-то вы странная сегодня. Это из-за того типа с креветками, да?

– Возможно, – уклончиво ответила Катя. – Ничего страшного, сейчас со мной уже все в порядке... Шура, а ты не видела, кто сейчас сюда заходил?

– Какой-то дядька перепутал двери. Умора, так растерянно тут топтался, а когда меня увидел, припустил прочь! – рассмеялась Шура.

– Ты его не рассмотрела?

– Нет. А что такое?

– Ничего, – небрежно ответила Катя, которой вовсе не хотелось рассказывать все болтливой легкомысленной крестнице. Чтобы отвлечь девчонку от увлекательной темы, она довольно резко добавила: – Боже, как ты выглядишь!

– А что такое? – Шура самодовольно покрутилась перед зеркалом – прямо как танцовщица из какого-нибудь латиноамериканского музыкального клипа. У нее была на удивление подвижная попа, и, похоже, она прекрасно об этом знала.

– К чему было надевать такие обтягивающие штаны!

– Вечно вы всем недовольны, Екатерина Павловна. Это же сейчас модно, и потом, не такие уж они и обтягивающие. У меня есть и похлеще, но я выбрала эти – пожалела ваши чувства.

– А рубашка? – не унималась Катя.

На Шуре была обычная мужская рубашка – белоснежный отложной воротничок, рукава лихо закатаны до локтей.

– Почему на тебе такая мятая рубашка?

Шура притворно возвела глаза к небу, вернее, к зеркальному туалетному потолку.

– Это тоже модно. Называется стиль «грандж».

Катя вздохнула:

– В общем, ты выглядишь, как Гаврош. Такая распушенность, – констатировала она.

Нервно поправив прическу, Катя вышла из туалета. Она чувствовала, что Шура удивленно смотрит ей вслед. И в самом деле, с чего это она так напустилась на девчонку? Ей вдруг стало стыдно. «Шура всего лишь не погладила рубашку, и за это я обозвала ее распушенной. Она не занималась в туалете онанизмом... Боже, если кто-нибудь когда-нибудь узнает... Если он узнает. Если я еще когда-нибудь его увижу...»

Это случилось почти двадцать лет назад, но Егор Орлов помнил тот день лучше, чем вчерашний.

Май, жара. Асфальт в трещинках, разбитые коленки, крест-накрест заклеенные пластырем. Ему восемь лет, и он счастлив – каникулы! Можно целыми днями гонять по пыльному

двору залатанный футбольный мяч, можно дразнить толстокосую Ирку из соседнего подъезда – отчего-то, когда Ирка обижается и плачет, у Егора сладко сосет под ложечкой...

В тот злополучный полдень Егору зачем-то понадобилось вернуться домой – кажется, все собирались в ларек за мороженым, и он хотел попросить у матери пятнадцать копеек. Знал бы он, что ждет его в квартире, может быть, и подольше задержался бы в пыльном солнечном дворе.

Он медленно шел по лестнице вверх – видимо, какая-то его часть все же чувствовала, что спешить не стоит. Между вторым и третьим этажом он остановился. Воровато оглядевшись по сторонам, достал из кармана крошечный уголек и старательно начертил на стене возле одной из квартир: «Юра – дура!» Юра был его одноклассником и жил этажом ниже. Егор представил, как вытянется его веснушчатая физиономия, когда он увидит свежую надпись, как будет он мелко-мелко хлопать белесыми ресницами, как задрожит от нахлынувшей обиды его нижняя губа. То-то смеху будет!

Довольный, подошел Егор к своей квартире. Он настолько был увлечен мыслями о мороженом и плаксивом Юрке, что не сразу заметил, что входная дверь слегка приоткрыта. А когда осознал наконец – испуганно попятился. Что-то екнуло у него в груди, некий неприятный холодок резвым теннисным мячиком запрыгал где-то в районе солнечного сплетения.

– Мама? – Он неуверенно вступил в тесную темную прихожую, словно в гости шел, а не к себе домой.

Тишина.

Егор заволновался: неужели мама ушла, не закрыв за собою дверь? Да такого просто быть не могло! Во-первых, мама всегда ругала его, если он ленился запираť дверь на оба замка. А во-вторых, он бы непременно увидел, как она выходит из подъезда – он же все время был во дворе!

– Мама?!

Он бросился на кухню. На минутку у него отлегло от сердца. Кухня была такой знакомой, задымленной и уютной, на плите весело бурлил ароматный розовый борщ. Должно быть, мама просто вышла на минутку к соседке – за солью, например, или за порцией свежих дворовых сплетен, да мало ли за чем две взрослые скучающие женщины могут пойти друг к другу.

Почти успокоившись, Егор решил на всякий случай заглянуть и в спальню. Может быть, на мамином туалетном столике, как всегда, валяется пригоршня мелочи – в таком случае он вполне сможет незаметно умыкнуть желаемые пятнадцать копеек.

Что-то бормоча под нос, он распахнул дверь и замер на пороге.

Потом он часами будет прокручивать эту картинку в голове, припоминая все новые детали. Но в самый первый момент он так ничего и не понял – мамина спальня словно распалась на тысячу несопоставимых деталей, как сложный детский пазл.

Первым делом он увидел ноги. Босые ноги, которые, вступив в противоречие со всеми законами физики, неподвижно висели над чистым влажно блестящим полом. Он даже не сразу смог сообразить, что ноги мамы. Мама ассоциировалась с чем-то уютным и аккуратным – Егор редко видел ее нарядной или строго одетой. Дома она носила застиранный, приятно пахнувший кухней байковый халат, а выходя на улицу, наряжалась в такое же халатообразное мягкое бесформенное платье. У мамы были мягкие розовые руки, полные ноги, всегда чистые, тщательно уложенные в «халу» волосы.

А эти страшные ноги словно принадлежали античной статуе – они были неправдоподобно белыми и странно распухшими. На большом пальце он заметил коричневую мозоль – она смотрелась неестественно ярко на этих белых чужих ногах. Желтоватые жесткие ногти были выкрашены кокетливо-розовым перламутровым лаком, кое-где он стерся – и это выглядело отвратительно!

Отвратительно!

Тут ему бы убежать, но Егор словно к полу прирос – стоял и смотрел молча.

В ужасе он поднимал глаза – на круглые полные колени и выше – на край знакомого застиранного халата. И еще выше, где почти под самым потолком...

Егор тоненько пискнул (а ему-то показалось, что он закричал истошно) и выбежал вон. Мамино лицо.

Нет, не мамино. Мамиными были только волосы, жесткие, рыжие, с пробивающейся сединой на висках, распущенные по покатым полным плечам. Казалось странным, что эти знакомые волосы обрамляют чужое лицо – посиневшее лицо безжизненной куклы из музея восковых фигур. Ужасная кукольная физиономия была приделана к тонкой, странно вытянутой шее. А вдоль шеи этой змеился фиолетовый, похожий на полусгнившую сардельку язык.

Только выскочив на лестничную клетку и изо всех сил захлопнув за собою дверь, Егор смог крикнуть:

– Помогите!

Язык его не слушался, губы дрожали.

– А-а-а! Кто-нибудь!

Ни одна дверь не раскрылась: был субботний жаркий полдень, и большинство соседей предпочли подмосковный дачный комфорт раскаленной квартире. Да и маленький Егор Орлов давно и безнадежно прослыл балагуром и хулиганом, и, видимо, никто попросту не обратил внимания на его истошные крики.

Егор бросился по лестнице вниз, попутно колотя кулаками в двери соседских квартир – все руки себе в конце концов отбил. Наконец одна дверь распахнулась, и на пороге появилась сердитая мама того самого Юрки, которого так любил дразнить Егор. Это была высокая тощая женщина со злым острым личиком – и в тот момент оно смотрелось еще более острым и еще более злым, потому что на голове ее топорщились старомодные рогатые бигуди, придававшие ей сходство с легендарной горгоной Медузой.

Ни слова не говоря, она схватила Егора за ухо и наотмашь ударила его по щеке. Как ни странно, эта неожиданная обида хоть немного его отрезвила – он почувствовал себя способным говорить.

– Там... в моей квартире... она... висит, – попробовал он донести до «горгоны» страшную весть.

Но та и не думала его слушать.

– Ах ты, маленький паскудник! – словно испорченная бензопила, завопила она. – Опять ты, дрянь, здесь шляешься, людям приличным мешаешь!

– Я не мешаю... в моей квартире...

– Я тебя в милицию на учет поставлю! Уголовник, мразь, тварь!

– Да послушайте вы...

– Если ты еще попробуешь здесь шуметь...

– Мою маму убили! – что есть мочи закричал Егор, заглушая «бензопилу». – Она там, в квартире, висит!

Тетка как-то странно булькнула и умолкла, недоверчиво на него посмотрев.

– Что ты чушь мелешь? – неуверенно спросила она, тем не менее не отпуская его покрасневшего уха.

– Это не чушь, – Егор только сейчас понял, что плачет, – не чушь, не чушь, не чушь. Она в квартире, висит.

Все, что случилось дальше, Егор помнил смутно. Кажется, «горгона» отпустила его ухо, поднялась на этаж выше и позвонила в его квартиру. Разумеется, никто ей не ответил. Какое-то время она неуверенно топталась перед дверью, но в конце концов любопытство взяло верх. Она осторожно открыла дверь и вошла внутрь. Егор слышал, как она ходит по квартире, и ждал, когда раздастся ее вопль. Хотя в глубине души он отчего-то надеялся, что этого не про-

изойдет. «Горгона» еще какое-то время походит по пустой квартире, потом, пожав плечами, выйдет наружу и опять примется его, Егора, воспитывать. Мол, опять ты, маленький хам, все придумал, голову тебе оторву. А потом вернется его мама (выяснится, что она просто выходила в магазин за хлебом или даже за мороженым), и они вместе над странным Егоровым видением посмеются.

«Горгона» не орала долго, и Егор в конце концов успокоился – вытер грязной ладошкой слезы и даже заулыбался облегченно. Но в этот момент...

– Убива-а-ают! – От этого крика мурашки неприятной ледяной волной пробежали по его спине. – Господи-и!

В следующую секунду тетка выскочила из квартиры, точно пробка из бутылки с теплым шампанским. Как взлохотенная курица, налетела она на Егора – лицо ее побелело от ужаса.

– Маленький ты, бедный, – басом взывала она, – сиротинушка! На кого же она тебя оставила? Что же теперь с тобой будет-то?

Егор попытался ее оттолкнуть, ему вдруг стало не по-детски горько, только в этот момент он до конца осознал, что случилось нечто непоправимое.

– Родственники-то есть у тебя? – продолжала голосить тетка.

– Бабка есть, – прошептал Егор, – баба Клава...

– Ну хоть не в приют, – шмыгнула носом «горгона».

А Егор заплакал. Она просто не знала, что такое баба Клава. Баба Клава – это в сто, нет, в тысячу раз хуже, чем любой приют.

Всем известно, что успех любой презентации прямо пропорционален количеству приглашенных на нее знаменитых лиц. Будут звезды – будут и журналисты. А значит, будет бесплатная реклама. Катя прекрасно знала этот закон, поэтому постаралась на славу.

Она разослала приглашения близким друзьям, просто приятелям, случайным знакомым и не знакомым вовсе – всем тем, кто хоть немного мог заинтересовать представителей прессы. Большинство из них приглашение приняли. Может быть, потому, что им была интересна Лаврова и ее книга. Но скорее всего, цинично думала Катя, им самим нужна реклама. Все они тоже не прочь «засветиться» перед телекамерами и высказаться в услужливо протянутый диктофон. Причем для того, чтобы поговорить не о Катиной книге, а о своей роли в новом нашумевшем фильме, своем новом видеоклипе – короче, о себе, любимом. Ничего не поделаешь: человеческие отношения строятся по законам рекламы.

Среди других гостей Катя заметила Марину Голицыну – та приветливо помахала ей рукой. Маринка тоже была актрисой, Катиной ровесницей. Когда-то они много снимались вместе и даже дружили. Они и сейчас иногда перезванивались. Марина не добилась такого успеха, как Катя Лаврова. Когда-то она подавала надежды, но сейчас мало кто помнил о ней как о серьезной актрисе. Она не снималась уже почти пятнадцать лет, зато время от времени появлялась в телевизионной рекламе.

Катя знала, что Маринке сейчас нелегко. Недавно у ее мужа, бизнесмена Эдуарда Голицына, появилась молоденькая любовница. Он объявил супруге, что хочет развестись, а Маринка пригрозила ему запретить навещать детей. И с тех пор Маринкина жизнь превратилась в латиноамериканский сериал.

Выглядела Голицына потрясающе, словно только что вернулась с альпийского оздоровительного курорта. В очень красивом розовом атласном костюме – со спины она походила на студентку.

– Катя!

– Мариша!

– Как давно я тебя не видела! – Голицына поцеловала воздух возле Катиной щеки.

– Как дела?

– Все так же, – вздохнула Марина. – Живу как на линии фронта. Эдичка ни в какую не хочет понять, что она всего лишь глупая свиристелка, а я его законная жена.

– Бывает, – вздохнула Катя.

– Наверняка тебе такая проблема тоже знакома, – прищурилась Голицына, – Признайся, Олежка твой западает на юные попки?

– Никогда! – холодно отрезала Катя, сразу переменившись в лице.

– Так я тебе и поверила! – хохотнула Голицына.

Катя поспешила с ней распрощаться. Олег всегда был камнем преткновения между ней и ее подругами. Всем им не верилось, что мужчина может быть настолько идеальным. Все они не хотели понять, что Кате просто повезло. В итоге у нее не осталось ни одной подруги. Зато был Олег – а когда рядом такой мужчина, можно обойтись и без подруг.

– Катюша! – Рядом возникла Любовь Федорова, тоже актриса. Они были вместе заняты в постановке Владимира Качука. – Я еще не читала твоей книги, но уверена, что это что-то!

– Так сначала прочитала бы, – миролюбиво улыбнулась Катя, – а то вдруг я тебя разочарую?

Федорова была сочной красавицей «за тридцать». С Катей они были знакомы тысячу лет и вообще-то всегда друг друга недолюбливали. Но, будучи светскими и воспитанными, тщательно это скрывали. Любовь, тоже высокую стройную пепельную блондинку, неискушенные зрители нередко путали с Катей. Как обладательницы одного типажа, они часто пересекались на кастингах. Но каждая имела свой козырь.

Люба была немного моложе и много красивее Екатерины. Благодаря редкому типу лица, вообще не нуждавшемуся в украшательстве, ее часто снимали без косметики – даже сейчас, когда ей уже исполнилось сорок. К тому же блондинкой она была натуральной, тогда как Кате приходилось пользоваться услугами одного из самых дорогих московских стилистов, чтобы добиться такого же «скандинавского» оттенка.

Зато Лаврову считали более яркой актрисой.

В спектакле Владимира Качука «Сестры», в котором уже два сезона «звездила» Катя, Люба тоже играла довольно большую роль. Большую – но не главную. А ей так хотелось хотя бы раз четыре в год появляться на обложке «Театрального обозрения».

– Слышала о новом проекте Качука? – самым беспечным тоном осведомилась Люба.

Катя сразу заподозрила неладное. Но виду не подала.

– О новом проекте? – вполне равнодушно переспросила она.

– Ты, как всегда, витаешь в облаках! «Сестер» закрывают, – торжествующе объявила Любовь.

– Как? – вырвалось у Кати. – Откуда ты знаешь? Сам Качук сказал?

– Н-нет... Неважно... *Говорят*. – Она многозначительно помолчала. – Говорят, что «Сестры» перестали быть коммерчески выгодными.

Этим многозначительным «говорят» Люба интеллигентно намекала на свою интимную связь с коммерческим директором театра.

Катя пожала плечами, беспечно улыбнулась и сказала, совсем как Скарлетт О'Хара:

– Подумаю об этом завтра. Тем более что все равно увижу Качука.

Вышло неплохо. Во всяком случае, лицо у Любаши вытянулось. Она-то, видимо, надеялась, что Катя занервничает, начнет выпрашивать подробности, подлизываться станет. Но Екатерина Лаврова все же была талантливой актрисой. Надо сыграть спокойствие – значит, она будет выглядеть спокойной, как комнатный удав...

– Что хотела от тебя эта змея? – тихонько поинтересовался подошедший сзади Саня.

– Сама не понимаю, – честно призналась Катя, – но сердцем чувствую: что-то здесь не так. Интересно, почему Качук не пришел на презентацию? Я же дважды вручала ему приглашения.

– Расслабься, мам. Ты ведь сегодня здесь самая красивая. Несмотря на отсутствие мини-юбки.

Катя благодарно улыбнулась. Саня как никто другой умел поднять ей настроение. Выглядел сын великолепно – сегодня он чем-то смахивал на лондонского денди. Светлые волосы зачесаны назад, очки в тонкой золотой оправе, безупречно отглаженный светлый льняной костюм, который так удачно сочетался с легким бежевым загаром.

– А где твоя девушка? Твигги, кажется?.. Она не пришла?

– Нет, у нее неожиданно изменились планы. Но она просила передать тебе поздравления. Познакомлю вас как-нибудь потом...

– Хорошо... Знаешь, Санечка, все так сложно... – вздохнула Катя, возвращаясь к волнующей ее теме. – Если Любка правду говорит, боюсь, дела мои плохи.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился сын.

– «Сестры» – это ведь мой единственный проект. Понимаешь? Все считают меня звездой, но это по инерции. Да, я снялась в десятках картин, но они уже в прошлом. И кроме этой постановки, работы у меня нет.

– Глупости, – фыркнул Санечка. – Вот увидишь, если спектакль закроют, тебя сразу же куда-нибудь пригласят. Без кастингов. Звезды твоей величины никогда без работы не сидят.

Катя снова вздохнула. Саня... Такой молодой еще, такой категоричный... Ничего-то он не понимает. Не понимает, каково это – быть стареющей звездой. Держать марку, беспречно разговаривать с журналистами, уверенно улыбаться в фотокамеры – и постоянно, постоянно ожидать подвоха.

В Голливуде есть пятидесяти- и шестидесятилетние звезды. Им не надо заботиться о будущем – каждая из них имеет живописный особнячок на холме, квартиру в Нью-Йорке и астрономические гонорары. А в России пятидесятилетней актрисе вряд ли дадут главную роль. В лучшем случае через пару лет она будет играть мамашу какой-нибудь смазливой выпускницы ВГИКа или, что еще хуже, сниматься в рекламе майонеза или стирального порошка. Какое унижение!

Катя отправилась в туалет – отчего-то ей захотелось увидеть свое отражение. После разговора с сыном она вдруг почувствовала себя старой, и ей необходимо было убедиться, что это не так.

Даст Бог, ее отставка случится не скоро. Катя еще так молодо выглядит, она еще так хороша собой! И потом – ее любит камера. На экране ее правильное чуть загорелое лицо смотрится моложе, чем в жизни.

Да, она может расслабиться. Все в порядке, она самая красивая из всех сорокапятилетних актрис на свете.

Катя уже собралась было покинуть туалет, но тут ее внимание привлекли странные звуки, доносившиеся из-за двери закрытой кабинки – не то истерический хохот, не то сдвоенные рыдания.

Катя остановилась и прислушалась.

– Какой... подлец... чтобы он... умру! – раздавалось из кабинки, и этот искаженный истерикой женский голос показался Кате странно знакомым. Ненавижу... убью... Вот сука... – Казалось, рыдающую даму несколько не смущал тот факт, что находится она не в собственной спальне, а в общественном туалете элитного клуба.

Катя осторожно подошла к двери и постучала в нее идеально отполированным ноготком.

– Эй, – позвала она, – кто там?

Женщина по ту сторону двери ахнула и затихла.

– Не бойтесь, – попыталась вразумить ее Катя.

Честно говоря, она уже успела пожалеть об этом внезапном приступе альтруизма. Что за вечер? Она так долго о нем мечтала, столько его ждала. Целую вечность выбирала подходящее

платье, за две недели записалась к лучшей маникюрше Москвы. И что в итоге? Сначала на нее опрокинули тарелку, и теперь густое креветочное амбре заглушает аромат ее любимых духов «Герлен». Потом Любка со своими признаниями. А теперь вот какая-то туалетная истеричка. Кто знает, что у нее на уме? Вдруг она сейчас выскочит из кабинки и вцепится Кате в волосы? То-то журналисты обрадуются, то-то порезвятся!

Щелкнул замок, дверь распахнулась.

На полу сидела женщина, одетая в сногшибательный костюм из розового атласа (вернее, сногшибательным он был прежде, теперь же юбка помялась, а на лацкане пиджака алели пятна губной помады). Женщина была немолода, растрепанна и заплаканна. В первый момент Катя ее и не узнала. И только когда та вскочила с пола и с воплем: «Как хорошо, что ты пришла-а-а!!!» – бросилась ей на шею, Катя поняла, что перед ней не кто иной, как Марина Голицына. Та самая Марина, которая еще двадцать минут назад беззаботно пила шампанское, с удовольствием позировала фотографам и весело рассказывала Кате о своем вздорном муже Эдичке.

– Мариша? Что случилось?

Сказать, что Катя была шокирована, – значит, ничего не сказать. Конечно, Голицына, как и большинство актрис, была довольно взбалмошной. Иногда она могла быть неестественной, нарочито кокетливой, иногда вела себя как капризная примадонна; бывало, она тратила последние деньги на безумно дорогие румяна, а потом громко хвасталась этим общим знакомым. Она любила быть в центре внимания и иногда вела себя как девочка-подросток. Но в целом Марина Голицына была интеллигентнейшим человеком. Дочь оперной певицы и поэта-неудачника, она никогда бы не позволила себе устроить на людях вот такую бабскую, некрасивую истерику.

Марина вытерла рукавом красный, распухший нос (Катю даже передернуло, но она благоразумно промолчала) и криво улыбнулась:

– Эдичка пришел.

– Да ты что? – ужаснулась Катя. – Его же никто не приглашал.

– А то ты Эдю не знаешь! – фыркнула Маринка. – Без мыла в любую жо... Извини, я не нарочно. Короче, ушлый тип. Да он не один пришел. С кралей своей...

Краем глаза Катя заметила, как дверь туалета открылась и в него впорхнули две высоченные стройные девушки, должно быть манекенщицы. Они устроились перед зеркалом и, синхронно щелкнув пудреницами, принялись подкрашивать и без того перепудренные красивые мордашки. На Катю и Марину никакого внимания они не обратили.

Недолго думая, Катя зашла в кабинку и прикрыла дверь. Ну вот, теперь, если кто-нибудь увидит, как они вместе выходят из одной туалетной кабинки, по Москве прошепел слух: Екатерина Лаврова – лесбиянка! Но сейчас главное, чтобы никто не увидел зареванную Марину. Вот это будет настоящая сенсация – актриса, которая выглядит как вокзальная бомжиха.

Голицына так и сидела на полу, и Катя, подумав, присела на краешек унитаза.

– Рассказывай, – велела она.

Марина шмыгнула:

– Да ты же не знаешь ничего...

– Знаю, – напомнила Катя, – Эдичка хочет развестись, а ты – нет. У него любовница.

– Восемнадцатилетняя, – рассмеялась Голицына, – восемнадцатилетняя любовница, Катя. К тому же фотомодель. Не Клавка Шиффер, конечно, но Эдичка посодействовал, чтобы эта лошадь появилась в рекламе йогурта. Теперь ее считают модным персонажем... Ох, что-то жарко мне. – Марина небрежно растегнула несколько верхних пуговиц. – Они решили меня достать. Понимаешь, сделать так, чтобы я сама умоляла его о разводе.

– Каким же образом? – нахмурилась Катя.

– Одежда! – Маринка вновь истерически расхохоталась, и Кате подумалось, что она все-таки немного пьяна. – Все дело в одежде! Она у нас одинаковая.

– Что-то я не поняла. Давай еще раз и по порядку.

– Да чего тут непонятного! – раздраженно выдохнула Голицына. – Он покупает ей такую же одежду, что и у меня!

– А зачем?

– Затем, что на тусовках нас фотографируют! – рявкнула Маринка. – А потом журналисты глумятся: мол, посмотрите, жена и любовница опять вырядились, как двое из ларца.

– И что? – недоумевала Катя. Ситуация показалась ей абсурдной.

– А то тебе непонятно что, – усмехнулась Марина. – Как ты думаешь, на ком лучше сидят наши общие платья? Нет, я не жалуюсь: для моих лет с телом у меня все в порядке. Но она-то модель! В итоге от газетчиков достается мне. Потому что на ее фоне становятся заметными мои недостатки.

Катя потрясенно молчала.

– Ты не представляешь себе, в каком аду я живу. На какие только уловки мне не приходится идти. – Марина говорила быстро-быстро, словно боялась, что Катя сейчас уйдет. – Я заказываю одежду по бразильским каталогам. Бразильским, Катя! Мне четыре месяца приходится ждать посылку с платьем! А потом выясняется, что у этой овцы уже есть такое. Я пробовала сама придумывать модели и передавала рисунки знакомому портному. Бесплезно! Портного подкупили, и он сшил все в двух экземплярах.

– Из Эдички получился бы великолепный секретный агент, – мрачно пошутила Катя.

– Именно. Он всегда знает, в чем я собираюсь выйти из дома. И всегда его шпала приходит в том же самом.

– И сегодня? – догадалась Катя.

– И сегодня, – вздохнула Голицына. – Нет, я ума не приложу. Знаешь, как я покупала этот костюмчик?

– Как?

– Прямо сегодня утром. Я сменила три такси, пока добралась до магазина. Я была в парике! Но все равно он меня выследил. Гад.

– Гад, – подтвердила Катя. Она не могла себе представить Маринку, крадущуюся по городу в парике. – Знаешь, мне кажется, что ты должна его умыть.

Марина подняла на нее заплаканное лицо:

– Что ты имеешь в виду?

– Ну они же видят прекрасно, что ты страдаешь. Им это и надо. А ты води себя так, словно тебя это совсем не волнует. Тогда они рано или поздно отвяжутся.

– Как?

– Умойся, успокойся. Выходи в зал, подойди к Эдичке, весело с ним поздоровайся. Обними его девчонку и сфотографируйся так.

– Спятила?

– Вовсе нет. Представь себе, как вытянется Эдичкино лицо. Только ради этого стоит попробовать.

Марина задумалась. Катя отметила, что только сейчас актриса перестала плакать. Наверное, Маринка все-таки была немного пьяна – уж больно долго она раздумывала. И наконец – о чудо! – лицо ее просветлело, Голицына заулыбалась.

– Черт возьми, а это идея!

– Ну вот видишь! – обрадовалась Катя. – Теперь для тебя главное – отсюда выбраться. Чтобы тебя в таком виде не сфотографировали.

Неожиданно Маринкино лицо исказилось от ужаса, она принялась нервно ощупывать собственные щеки, лоб, волосы.

– О ужас! – наконец простонала она. – О кошмар! Я как-то совсем об этом не подумала. Как же мне теперь быть?!

– Не скули, – грубо прервала ее Катя. – Мы с тобой не голливудские неженки, а советские актрисы. Вспомни, в каких условиях нам приходилось сниматься. Когда сразу после сцены драки идет сцена бала. Гримируешься сама, на ходу.

– Да, было дело, – улыбнулась Марина.

– К тому же у меня с собой полный косметический арсенал. Через пять минут как огурчик будешь.

– Юбка помялась...

– Ничего. Сними пиджак, у тебя же декольте.

– Думаешь, стоит отвлечь внимание на сиськи?

– Думаю, стоит.

– Кать... Спасибо тебе, – Маринка слабо улыбнулась, – вот увидишь, сейчас будет шоу!

– Я и не сомневаюсь.

Катя незаметно выскользнула из кабинки и вышла в зал. Тут же к ней бросился Олег – у него был весьма обеспокоенный вид.

– Ты куда пропала? Тебя все ищут. Я уже заволновался.

– Так, разговаривала со старой знакомой, – расплывчато объяснила она. – Тебе здесь не надоело? Не скучаешь?

– Что ты, – удивился он, – только советую не оставлять меня надолго одного. Только что со мной пыталась познакомиться одна небезынтересная молодая дама. – Он саркастически улыбнулся и глазами указал ей на одну из манекенщиц, тех, что заходили в туалет.

Катя нахмурилась и невольно пристально осмотрела девушку. Рыжая, кудрявая, с узкими бедрами и внушительным бюстом. Красотка, одним словом. *Дрянь!*

– А ты что ответил? – с наигранным безразличием поинтересовалась она, однако внутри у нее все закипело. Да как она посмела, кошка драная!

– Нет, ты послушай до конца. Она подошла ко мне и заговорила о твоей книге. Она не знала, что я твой муж. Ей просто надо было завести разговор. Я вяло шутил, она громко смеялась. А потом спросила, чем я занимаюсь. И знаешь, что я ответил?

– Что?

– Сказал, что я местный бармен, просто у меня закончилась смена, и я решил остаться на дармовой фуршет. Девчонку как ветром сдуло.

Катя облегченно рассмеялась. Потом еще раз посмотрела на рыжую красавицу – та увлеченно беседовала с дорогим одетым толстяком, именитым продюсером. Девушка перестала ей казаться «драной кошкой». Красивая девчонка, и, видимо, не такая уж и счастливая, раз ей приходится зарабатывать вот таким образом.

– Смотри, Кать, кажется, твоя подружка Голицына выпила лишнего, – внезапно отвлек ее Олег.

Катю словно током ударило.

– Почему ты так решил?

– Да вон она, лезет целоваться к любовнице своего мужа.

Катя в ужасе обернулась. Марина Голицына действительно пыталась запечатлеть поцелуй на щеке довольно симпатичной блондинки, одетой в знакомый атласный розовый костюм. Блондинка затравленно озиралась по сторонам и испуганно отбивалась. А рядом суетился Эдик Голицын – белый, как ресторанный скатерть.

– Марина, отойди, – шипел он, – Марина, угомонись, нас снимают.

И тут же ослепительно улыбался в очередную камеру.

– Ну почему ты не хочешь нас познакомить, Эдичка? – неестественно-светским тоном вопрошала Голицына. – Как вас зовут, милочка? По-моему, она такая милая девочка, просто прелесть. И костюмчик сидит как влитой.

– Да отвяжитесь вы от меня! – наконец не выдержала блондинка.

Катя заметила, что многие в зале перестали разговаривать и с интересом прислушиваются к перепалке. Мимо нее пролетел оператор телепрограммы «Желтая улица» с камерой на плече, и Катя поняла, что сейчас Маринке здорово достанется.

– Вы что, не слышали?! Отвяжитесь!!!

– Ах отвязаться?! – взвизгнула Маринка.

Теперь уже умолкли решительно все.

– Отвязаться, значит, я должна?! Это ты от меня отвязись, вешалка безмозглая!!! И от мужа моего отстань, поняла?

– Это мы еще посмотрим, старая уродка! – парировала девчонка. – Наконец ты показала свое истинное лицо! Когда же до тебя наконец дойдет, что Эдя тебя больше не любит?! Что он хочет с тобой, душой жирной, развестись?! Эдичка, скажи ей!!! Что же ты молчишь?

Эдичка стоял рядом, пунцовый, как переваренный рак. И все еще пытался улыбаться в камеры.

А женщин уже было не остановить.

– Кошелка! – вопила Голицына.

– Старая общипанная курица! – не осталась в долгу блондиночка.

– Проститутка!!!

– Идиотка!!!

– Лошадь, одетая в дешевые копии моих вещей!

– Зато на мне они сидят как влитые, а у тебя отовсюду выпирает жир!

– У меня-я? Жи-ир? – У Маринки даже глаза побелели от гнева. – Ты сама этого хотела, – как-то странно улыбнувшись, вдруг сказала она.

И, к радости журналистов и ужасу Кати Лавровой, принялась быстро расстегивать пуговички на своей декольтированной рубашке.

«Не делай этого! – мысленно взмолилась Катя. – Пожалуйста, остановись!»

Но было поздно.

Засияли фотовспышки, засуетились телеоператоры. Эдичка Голицын, все так же бессмысленно улыбаясь, мелкими шагами заторопился к выходу. О своей подруге он, казалось, позабыл.

А Маринке, похоже, было уже на все наплевать. Она отшвырнула в сторону рубашку, закинула руки за спину, расстегнула лифчик. Зрители ахнули, когда Маринкин бюстгальтер полетел вслед за рубашкой на пол. Потом Голицына решительно расстегнула юбку – и та с тихим шелестом упала к ее ногам. Теперь на актрисе оставались только прозрачные колготки и легкомысленные кружевные трусики. Она с победным видом перешагнула через юбку, огляделась по сторонам... И, кажется, наконец пришла в себя. Увидела направленные на нее камеры, шокированных людей. Кто-то смотрел на нее с отвращением, кто-то, совершенно не стесняясь, рассматривал ее грудь. Двое журналистов громко обсуждали фигуру Голицыной. Маринка скрестила руки на груди, втянула голову в плечи и с каким-то тихим отчаянием спросила, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Ну и где вы видите жир?

Катя обреченно вздохнула. Бедная Маринка. Отчаянная, пьяная и глупая. Что же она наделала? Как она теперь будет отмываться?

К Голицыной уже подошли охранники клуба – серьезные молодые люди в одинаковых темно-синих пиджаках. Один из них поднял с пола вещи актрисы, другой, сняв с себя фор-

менный пиджак, набросил его на ее обнаженные плечи. Поддерживая Маринку под руки, они куда-то ее повели.

Катя хотела броситься за ними, но Олег остановил ее.

– Нельзя, малыш, – тихо, но твердо сказал он.

– Но я не могу оставить ее одну, – возмутилась Катя.

– Нет. Не ходи туда. Тебе нельзя оказаться замешанной в этой истории. Это тебе повредит. А к Марине ты сможешь съездить и завтра утром.

– Ты прав, – вздохнула Катя, – и все-таки это кошмар...

– Выше нос. Внимание, к нам приближается журналист. Соберись. Если будет спрашивать о Марине, скажи, что вы давно не общаетесь. И вообще малознакомы.

– Хорошо, – прошептала Катя.

Но журналиста Голицына не интересовала. Оказывается, он вообще только что прибыл и не успел на любительский стриптиз стареющей актрисы. Его интересовала сама Катя.

– Екатерина Павловна, можно сфотографировать вас для журнала «Мир звезд»? – вежливо поинтересовался он.

Хорошо, что он догадался спросить разрешения, а не сфотографировал ее, погруженную в мрачные мысли. Хорошая получилась бы фотография – как раз для обложки! Кинозвезда с траурной физиономией – словно камера поймала ее не на презентации, а на похоронах.

– Конечно-конечно.

– Вы знаете, там прибыла Илзе Лиепа. Может быть, снять вас вместе? Хорошо получится. Она в шоколадном. Вы в бежевом.

– Можно и с Илзе, – рассеянно разрешила она.

– А потом с Кларой Новиковой. И еще с Оксаной Пушкиной, – оживился очкарик. Помолчав, он бесхитростно объяснил: – Мне редакторша велела набрать как можно больше знаменитых лиц.

И Катя послушно позировала. Одна, со своей книгой в руках. В обнимку со знаменитыми гостями. С Саней, с Олегом. И снова одна.

К концу вечера у нее разболелась голова.

– Наверное, я устала от общения, – тихонько шепнула она Олегу, – приходится со всеми болтать, давать интервью, комплименты выслушивать, подписывать книги. Ничего не поделаешь, рекламная акция. А от фотовспышек у меня вообще в глазах рябит.

– Ты держишься изумительно, – он сжал ее ладонь, – я тобой горжусь. Хочешь аспирина? У меня с собой есть.

Она с благодарностью на него посмотрела.

– Знаешь, Олег, а теперь ведь все про нас с тобой всё знают.

– Что именно? – смутился он.

– Ну, ведь в моей книге написано все про наши отношения. Как познакомились, как поженились. Даже про наш первый секс.

– Ты же у меня простофиля. – Он погладил ее по щеке, но Катя инстинктивно отстранилась – а вдруг смажет грим? – Написала всю правду. Надо было что-нибудь такое придумать...

– Какое?

– Ну... Такое...

– Например, что ты выкрал меня из гарема арабского шейха, где я была его любимой женой?

– Было бы неплохо, – Олег засмеялся, – хотя у нас было не хуже. Правда ведь?

– Идем к гостям, на нас уже смотрят, – смутилась Катя.

– Нет, ты скажи, правда? – Он удерживал ее за локоть и не давал уйти.

– Правда... Правда, – задумчиво улыбнулась она.

...Санечка Лавров был одним из последних гостей, покинувших в тот вечер клуб «Ностальгия». Надо сказать, он устал не меньше своей знаменитой матери. Многочисленные журналисты и его не обошли вниманием. Некоторые из них интересовались им самим и планами. Но большинству было интересно узнать новую сплетню о Кате Лавровой – так сказать, почти из первых рук.

– Скажите, до того как была опубликована эта книга, вы знали, что ваш отец – никому сейчас не известный режиссер Федор Мордашкин, с которым ваша мать была близка всего один раз в нетрезвом состоянии? – спросила его интеллигентная с виду немолодая телевизионщица.

– Мне все равно, кто мой отец биологический, – с вежливой улыбкой отвечал Саня, хотя больше всего на свете в тот момент ему хотелось вылить ей в лицо содержимое своего фужера: может быть, ледяные брызги шампанского отрезвили бы зарвавшуюся мадам. – Настоящим отцом стал для меня Олег, мамин муж.

– А вам не было стыдно за свою мать, когда вы прочитали эту книгу? – настаивала журналистка.

Видимо, она рассчитывала, что Саня либо начнет клеймить Катю, либо разозлится и нахамит в телекамеру, и тогда скандальный материал и соответственно высокий гонорар журналистке обеспечены. Но Сане отлично были знакомы телевизионные штучки. Поэтому ничего, кроме постных обтекаемых фраз, эта стерва из него не вытянула.

– Наоборот, сейчас я еще больше горжусь своей мамой, – невозмутимо улыбнулся он. – По-моему, надо быть по-настоящему отважным человеком, чтобы решиться такое опубликовать.

Саша заметил, что за спиной противной журналистки стоит Катя, внимательно слушающая и довольно улыбаясь его словам. Катя души в нем не чаяла, он был именно таким сыном, о котором мечтала бы любая мать, – вежливым, любящим, предупредительным.

Знала бы она... Если бы только знала. Саня вздохнул.

К вечеру он почувствовал себя окончательно разбитым. Мельком взглянув на себя в зеркало, он с досадой констатировал, что выглядит не лучшим образом. Еще несколько часов назад на его щеках цвел безмятежный розовый румянец, а сейчас лицо приобрело землисто-серый, как у покойника, оттенок.

Затравленно оглянувшись на Катю, он незаметно проскользнул в мужской туалет. Закрылся в одной из кабинок, проверил, исправен ли замок.

Все, можно начинать. Из внутреннего кармана своего стильного льняного пиджака Санечка извлек небольшой непрозрачный сверток. Непрозрачный – это чтобы, если сверточек ненароком упадет на пол, с независимой улыбкой подобрать его – так, словно ничего такого в нем и не лежит.

Саня сел на крышку унитаза и принялся развертывать бумагу – осторожно и бережно, словно распеленывая грудного младенца. На колени его выпал небольшой резиновый жгутик, шприц, обломок алюминиевой ложки, микроскопический пакетик с белым порошком, похожим на первосортную манную крупу, и дешевая пластмассовая зажигалка.

Как опасно было таскать все это с собою! Даже неискушенному человеку сразу бы стало ясно, что это такое. Санечка Лавров носил в своем кармане пятилетний тюремный срок (пятилетний – с учетом маминых денег и связей, простой же смертный мог бы загреметь и на десять лет, если бы посмел разгуливать по городу с таким количеством первоклассного героина в кармане).

Конечно, заветный сверточек покоился в его кармане не всегда – только если Санечка покидал свою квартиру больше чем на полдня. А такое в последнее время случалось крайне редко. Он не был прожженным тусовщиком, нередко игнорировал презентации и премьеры, а потому пользовался славой домоседа.

Кончиком ногтя он поддел пакетик, миниатюрная горсточка порошка высыпалась в ловко подставленную алюминиевую ложку. Санины движения были привычными, машинальными. Не в первый раз ему приходилось, воровато озираясь, закатывать рукав наимоднейшего льняного пиджака. Не в первый раз он затягивал зубами на предплечье резиновый жгут. Не в первый раз топил порошок на скудном пламени зажигалки и, морщась от боли, искал свежее место на покрытых синяками локтях.

Одна секунда – и все. Можно расслабиться, прислонившись спиной к прохладному кафелю. Сейчас ему станет намного легче. На щеки вернется румянец, а в пересохшие красные глаза – осмысленный блеск.

Саня бережно упаковал порошок, ложку и жгутик. Теперь он в норме и может идти – никто ничего не заметил.

Санечка Лавров уверенной походкой вышел из туалета. Какой-то фотограф неинтеллигентно ослепил его яркой вспышкой, но Саня только индифферентно улыбнулся в камеру. Он спокоен, спокоен, спокоен; ничто его не раздражает, ничто не может вывести его из себя. Недавно он выглядел болезненно-бледным, а теперь посвежел, похорошел, словно только что вернулся с морского курорта. Хотя отсутствовал не больше пяти минут.

Как это получилось? Когда началось? Он и сам не знал наверняка.

Саня Лавров по своей натуре был человеком инертным и ленивым. С самого детства у него было все, о чем он только мог мечтать. Еще в детском садике Санечка осознал свою исключительность. Он всегда был в центре внимания, он на равных разговаривал со взрослыми. Ему прощалось то, за что других детей ставили в угол и лишали полдничных конфет. И детям, и воспитателям, и даже строгой директрисе Валентине Федоровне – всем было интересно узнать что-нибудь о его красивой, молодой, знаменитой матери. Наверное, это была Катина ошибка. Саня ходил не в номенклатурный, а в самый обычный детский садик – тот, что находился прямо под окнами их квартиры. Конечно, Катя могла устроить его в любой сад, в тот, где учились отпрыски самых сливок общества, в тот, где ребенка не донимали бы жадными расспросами. Но поблизости такого бластного детского садика не оказалось, и Катя пожалела мальчика – не возить же его через целый город на такси.

– Скажи, Санечка, а что вы едите на завтрак? – вкрадчиво спрашивала Валентина Федоровна.

И он готов был по-честному ответить: манную, мол, кашу едим, чай с сахаром – то же самое, что и все нормальные советские дети, но каким-то шестым чувством Саня понимал, что Валентина Федоровна ждет услышать от него совсем другое. И он принимался самозабвенно врать:

– На завтрак? Черную икру. Мама кладет ее в глубокую тарелку. Но я вообще-то больше люблю красную. А еще – бананы. И манго. Знаете, есть такой фрукт?

Валентина Федоровна знала. То есть самого манго она в жизни не видела (впрочем, маленький Саня – тоже), но в то время в Москве продавался китайский манговый сок в железных баночках, и слово «манго», какое-то томное и сладкое, было у всех на устах.

Сам Саня был очень доволен собою: ему нравилось, что взрослые слушают его с таким жадным вниманием, нравилось ощущать себя важным и интересным. Он даже научился грамотно держать паузу, словно маститый мхатовский актер. Придумывал он и другие истории из маминой жизни.

– К маме приходят мужчины? – беззастенчиво интересовалась молоденькая воспитательница Тонечка, круглолицая девушка в вечно застиранном белом халатике.

– Приходят. Каждый день, – серьезно кивал Саня. – Они приносят маме цветы. У нас вся квартира в цветах, я не люблю, как они пахнут. А один дядя подарил маме духи. В такой черной коробочке с золотой розой.

– «Ланком»! – выдыхала Тоня.

– Да, «Ланком»! Огромный флакон, – радостно подтверждал малыш. – А другой дядя купил ей шубку. Длинную, блестящую. И еще деньги дарят, золото...

Если бы воспитатели были чуть менее эгоистичными и чуть более опытными, они сразу поняли бы, что маленький Лавров врет. Просто он, по наивности своей, говорит то, что все они хотят от него услышать. А Сане нравилось, что строгие с другими детьми воспитательницы уважительно перешептываются за его спиной. Не могли же они, в самом деле, не уважать мальчика, который запросто ест ложками черную икру, закусывая ее незнакомым тропическим манго!

Зато дети Саню не любили. То есть самим им было, вероятно, наплевать на его социальный статус, но родители их, несомненно, настраивали своих чад против «блатного» сверстника. А Саня и не переживал особенно. Он никогда не участвовал в обычных детских играх – куда интереснее ему было рассказывать небылицы всегда любезно внимательным воспитательницам. Он особенно не страдал от отсутствия детской дружбы, потому что попросту не понимал, что это такое. Но иногда все же жаловался воспитателям на то, что его не принимают играть, что его уронили в песок, что у него отобрали игрушки.

– Не переживай, деточка! – сюсюкала Валентина Федоровна, а вслед за нею и Тоня. – Ты намного лучше их, вот они и завидуют.

Так он и рос, уверенный в том, что является неизменным объектом зависти.

И только когда Сашенька пошел в школу, все изменилось. Это была не обычная школа, а элитарная гимназия, куда был заказан путь обычному ребенку, будь он хоть самым Ломоносовым. В одном классе с Санечкой учились дочь известного политика, племянница маститого режиссера, сын корифея советской поэзии, внук обласканного властью композитора и многие другие дети – будущая золотая молодежь.

Никто из них не завидовал Санечке. Да и чему было завидовать, если знаменитая Екатерина Лаврова не была и вполтину так состоятельна, как композитор, политик или корифей советской поэзии.

Саша попал в удивительно дружный класс. У него появились приятели – это было так необычно; теперь Сашей интересовались из-за него самого, а не из-за его мамы. Никто больше не перешептывался за его спиной, никто не дразнил его блатным и не ухмылялся презрительно, когда он вынимал из своего нарядного портфельчика бутерброд с толстыми ломтями дефицитной сырокопченой колбаски. В первый раз в жизни Саня почувствовал себя свободным и счастливым. И он очень привязался к своим новым друзьям.

Рано взрослеют блатные детки. Те, кому с детства позволено больше, чем другим, те, для кого не жалеют денег на карманные расходы, те, кого не «пасут» родители, потому что у их божественных пап и мам редко хватает времени на унылый и трудоемкий воспитательный процесс.

В одиннадцать лет Саша попробовал курить. Сигареты принесла Лена Крузе, дочь русской оперной певицы и известного португальского адвоката. Таких красивых сигареток Саша никогда не видел – они были разноцветными – розовыми, зелеными, фиолетовыми – и выглядели безобидно, как детский пластилин.

На большой перемене они собрались в женской физкультурной раздевалке. Леночка Крузе, Валера Сомов, внук композитора, Даша Тимошенко, падчерица известного телевизионщика-документалиста, и сам Саша. Эти трое считались лучшими его друзьями. Все свободное время они проводили вместе – или в шикарной квартире Леночки, забитой роскошными игрушками, или на даче у Валерки, где любящий дедушка устроил для него маленький кинозал. Саша и Валера договорились: как только им исполнится шестнадцать лет и они получат паспорта, Саня женится на Даше, а Валера – на Леночке.

Вообще-то смуглая хорошенькая Лена с копной черных кудряшек нравилась Сане куда больше, чем полноватая молчаливая Дашенька, но очень уж не хотелось ему обижать лучшего

друга, очень уж он боялся снова превратиться в изгоя. В конце концов, Даша тоже ничего, веселая, и потом у нее есть шикарный велосипед – так что можно жениться и на Даше.

Итак, они собрались в раздевалке, и Леночка с опытным видом подожгла одну из симпатичных сигареток.

– Я больше зеленые люблю, – с прожженным видом пояснила она, – они самые крепкие. Слабые сигареты – это моветон. Словно воздух вдыхаешь, какой смысл?

Она явно повторяла слова своего отца, но все с умным видом кивали, а Саша с восхищением наблюдал, как она умело втягивает дым, как он красивым прозрачным облачком вылетает из ее пухлых детских губ.

– Я давно курю, – на всякий случай сказал он, – уже года два или три.

– Врешь ты все, – прищурилась Даша, и Саня подумал: «Вот дурища!» – Три года назад тебе было девять лет. Тебе мама еще попку подтирала, не мог ты курить.

Все засмеялись, а Саня даже покраснел от злости:

– А вот и мог!

Он резко выхватил сигарету из смуглых тоненьких Леночкиных рук, зажал ее, на уголовный манер, между большим и указательным пальцами, глубоко затянулся и... закашлялся – беспомощно, надрывно. Ох, какая забористая была та сигарета! У Сани даже слезы выступили, он думал, что у него легкие разорвутся от кашля, и не почувствовал даже, как Леночка испуганно хлопает его по спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.